

Ольга
ЕЛИСЕЕВА

НАСЛЕДНИК
ТАВРИДЫ

МАСТЕРА
ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера исторических приключений

Ольга Елисеева
Наследник Тавриды

«ВЕЧЕ»

2007

Елисеева О. И.

Наследник Тавриды / О. И. Елисеева — «ВЕЧЕ»,
2007 — (Мастера исторических приключений)

ISBN 978-5-4444-8902-4

Беспокойное наследство досталось графу Михаилу Семеновичу Воронцову, наместнику Юга России. Волнения в Молдавии и Крыму, греки рвутся помогать восставшим соотечественникам. «Южное общество», собрав под своим крылом молодых офицеров-аристократов, впитавших идеи европейских демократов, начинает представлять серьезную угрозу самодержавию. Империя созрела для перемен, и вопрос только в том, кто первым решится на них. А тут еще молодой поэт и бузотер Александр Пушкин явно увлекся красавицей-графиней и осыпает ее знаками внимания... Новый роман известной писательницы Ольги Елисеевой – настоящий подарок всем любителям остросюжетной исторической литературы! Книга выходила ранее в другой серии.

ISBN 978-5-4444-8902-4

© Елисеева О. И., 2007
© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Часть 1	6
Глава 1. Заговор разгильдяев	6
Глава 2. Наказание невиновных	17
Глава 3. «Далече северной столицы»	24
Глава 4. Неприятности	36
Глава 5. Белая башня	45
Глава 6. Бес арапский	52
Глава 7. Медная Венера	64
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Ольга Елисеева

Наследник Тавриды

© Елисеева О.И. 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Часть 1

Глава 1. Заговор разгильдяев

Санкт-Петербург. 1820 год.

Настал день, когда император Александр Павлович потерял терпение.

В самом конце доклада министр двора, заметно конфузясь и потупляя взоры, сообщил о новом бесчинстве, которое совершили в Царском Селе шалопаи-мальчишки из Лицея. Вернее, их товарищи старшего выпуска. В воскресенье некто коллежский секретарь Пушкин притащился в *alma mater* и, ободряя себя «Клико», отправился гулять по коридорам, соединявшим учебные помещения с дворцом. Там, в темном переходе, куда отворялись двери с половины фрейлин, он вдруг слышал шелест платья и, вообразив, будто это горничная княгини Волконской Наталья, кинулся ее целовать.

– Наташка! Наташка! – в неописуемом восторге кричал шалун. – Вот и свиделись!

Каков же был конфуз, когда вместо ответного чмоканья секретарь получил звонкую пощечину и обнаружил в своих объятьях саму княгиню.

– Наглец-ц, – протянул император, внимательно глядя в потолок и изучая рисунок крышек амура на лаковом плафоне вокруг люстры. – Но ведь там могла оказаться и... ее величество?

Министр двора посчитал за благо многозначительно промолчать. Государь и его супруга давно не составляли единого целого, жили отдельно и даже выходили на прогулки в разные часы, чтобы не стеснять друг друга. Однако покушения на свою жену – пусть и воображаемого – Александр простить не мог. Он знал толк в куртуазных сценах и мигом угадал за попыткой сорвать поцелуй с уст фрейлины страстное признание госпоже.

– Это который Пушкин? – выдавил император, покусывая губу.

– Сочинитель, – отозвался докладчик. – Велено будет разузнать?

В тот же день начальник штаба гвардейского корпуса генерал Бенкендорф в сотый раз дал себе клятву не искушать благодущия жены. Вчера Александр Христофорович, вместо того чтобы проводить супругу в театр, столкнулся в Главном штабе с Сергеем Волконским и, зайдя с ним в ресторацию Талона на Невском, убил остаток дня, вспоминая славное партизанское прошлое. Домой генерал явился за полночь. Его встретили неприветливо, выслали спать в кабинет и на неделю лишили семейных радостей. Мадам умела дуться.

Досада охватывала Бенкендорфа при мысли о намеченном на сегодня торжественном обеде Конногвардейского и Кавалергардского полков, куда он был приглашен. В сложившихся обстоятельствах пить не следовало. Хуже того – генерала вызывал к себе командир гвардейского корпуса Васильчиков. В неурочное время, не на доклад, а специально присланной через адъютанта запиской. Значит, стряслось *нечто*. Что именно, начальник штаба не знал. По нынешним временам ожидать можно было всякого.

Бенкендорф влекся на прием, мучимый изжогой и самыми дурными предчувствиями. Генерал Васильчиков их не обманул.

– Александр Христофорович, – начал он, несколько смущаясь и глядя куда-то в угол. – Нами получено новое предписание. Извольте ознакомиться.

Илларион Васильевич был низеньким живчиком с пышными усищами, которыми имел привычку шевелить во время разговора. Щуплый и подвижный, он плохо переносил бездействие и, как маятник, метался вдоль стола, пока Бенкендорф читал документ. Наконец начальник штаба свернул листок и вопросительно поднял глаза.

– Как сие должно трактовать?

– А как хотите, так и тракуйте! – взвился Васильчиков. – Сами понимаете, какое теперь время! Приказано вводить в гвардии внутреннюю полицию, так сказать, для надзора за особо резвыми болтунами.

Следует отметить, что чувство времени должно было возникать у начальника штаба само собой, без какого-либо влияния газет. Ибо «Ведомости» о событиях в Европе не сообщали. В Испании, Португалии, Италии, Неаполитанском королевстве разом, как по команде, полыхнули военные мятежи. Полковник Риего с Астурийским батальоном прошел от Леона до Мадрида и потребовал введения конституции...

– Друг мой, Александр Христофорович, – генерал Васильчиков засунул два пальца за тугой форменный воротник и с силой потянул его. – На устройство внутренней полиции государь выделил сорок тысяч рублей. Деньги немалые, и они нам позарез нужны. Вы же сами докладывали, лошади в кирасирском полку – дрянь. Амуницию давно пора менять. Ну, где, скажите на милость, мы найдем заговорщиков? А найти надобно. Голубчик.

Начальник штаба смотрел на генерала не мигая. Правда, много чего не хватало. Те же палаши, зимняя форма, фураж – особая статья. Даже обидно, что император, игнорируя их просьбы подкинуть денег на экипировку, вдруг отвалил такой куш для слежки.

– Тысчонок шесть, я думаю, употребить на соглядатаев, – сказал Илларион Васильевич. – Составим бумагу, де такие-то и такие-то болтают лишнее. Заядлых говорунов мы и так знаем. Серьезных дел за ними не водится. Отпишемся как-нибудь. Выделенные же средства употребим на нужды корпуса.

Бенкендорф кивнул. Его бесстрастное рябое лицо не отразило никаких эмоций. Но в душе Христофоров сын кипел, как чайник. Почему выгребать стойло всегда достается ему?

Громкие крики «Ура!» заглушали голоса. За длинными столами, накрытыми белыми льняными скатертями, восседали офицеры-конногвардейцы и кавалергарды. Шампанское лилось рекой. Сначала говорили тосты в честь государя и отцов-командиров, вставляли при каждом поднимаемом бокале, потом веселье потекло вольнее. Лица покраснели, разговоры сделались развязнее. Часть начальства отвалила, и все расслабились.

Бенкендорф тоже теперь относился к «начальству», но и ему дышалось свободнее, когда люди, вылетевшие в гвардию из-под крыла Аракчеева, покидали стол. Те пили мало. И вечно были настороже. Не то следили за другими, не то боялись за себя. Оставшиеся растегнули верхние пуговицы мундирных воротников, что по уставу строжайше запрещалось, и понеслась душа в рай, язык в Шлиссельбургскую крепость.

Справа от Бенкендорфа, уже не понижая голоса, обсуждали арест полковника фон Бока.

– Ведь он правду написал государю, что из гвардии вычищают офицеров с боевым опытом.

Мигом явился листок с копией письма: «Почему император ненавидит тех, кто хорошо послужил родине в 1812 году? Потому что они напоминают ему о его собственном позоре». Бенкендорф прищурился и повел глазами. А прав Бок: повыбило наших. Почему Волконский приезжает из Бессарабии, а Лунин из Польши? В столице им службы не нашлось? Государь рассылает недовольных по медвежьим углам, чем делает их еще недовольнее. Многовато новых лиц. И все мальчишки. А солдаты воевавшие? Станут они слушаться командиров-желторотиков? Может, на то и расчет?

Слева затеяли спор о делах в Испании. Дался им этот Риего!

– Бескровная революция возможна только благодаря армии. Не дай бог, как якобинцы, позвать народ на улицы. А вы какого мнения, Алексей Федорович?

Обращались к командиру бригады Орлову, рослому сорокалетнему красавцу, вместе с братьями прославившемуся в минувшую войну. Считалось, что он имеет влияние на молодых офицеров.

– Не верю я в бескровные революции, – солидно пророкотал генерал. – Дайте срок. Резня в Мадриде пойдет похлеще, чем в Париже. Думаю, всякий честный человек со мной согласится.

– Вот как? – раздался голос с другого конца стола. – Вы, значит, считаете, что тот, кто с вами не согласен, бесчестный человек? – Это был подполковник Лунин, дебошир, какого свет не видывал. – За такие слова я готов вызвать вас на поединок.

Орлов никак не ожидал, что в его разговор с товарищами вмешаются со стороны.

– Что же вы меня провоцируете? – насупился он.

– Никак нет. – Лунин встал. – Я не бретер. Но всякий должен защищать свою репутацию. А вы только что называли меня бесчестным человеком.

Невозможно представить положения глупее. Все собравшиеся смотрели на противников. Вызов был брошен. Отступать на глазах у полутора сотен офицеров, многие из которых твои подчиненные, – лучше сразу застрелиться.

– Извольте. – Алексей тоже встал. Ему очень не хотелось ввязываться в свару. Дуэли запрещены. Утаить поединок не удастся. Завтра же генерал схлопочет выговор. Но отказаться – еще хуже.

Толпа народу вывалила на широкий полковой двор. Бенкендорф знал, что Орлов плохой стрелок. Лихой рубака, но мазила. Поэтому его удивил выбор оружия – пистолеты. Кажется, Алексей закусил удила и не обращал внимания на существенные мелочи. Лунин, напротив, держался очень хладнокровно. Маленький, щуплый, с живой, выразительной физиономией, он был исключительно точен и ловок в движениях.

Воткнули сабли, отсчитали по десять шагов с каждой стороны.

– Сходитесь!

Как вызванная сторона, генерал имел право стрелять первым и от досады на нелепость ситуации бабахнул почти сразу, как только повернулся. Пуля просвистела далеко от локтя Лунина.

– Я дам вам фору! – насмешливо прокричал тот и разрядил пистолет в воздух. – Подойдите поближе.

Орлов вскипел пуще прежнего. Он не выносил, когда его поучали.

– Тщательнее наводите пистолет! – ухмылялся Лунин. – Мы всего-то и выпили бокалов по восемь! Руки еще не должны дрожать. Правее, правее, выше...

Не выдержав этих издевательств, Алексей снова спустил курок. И снова мимо.

– Видно, сегодня не ваш день, – со смехом отозвался Лунин. Он демонстративно навел пистолет на голову противника, подержал несколько секунд, а потом вскинул дуло к небесам. Прогремел выстрел. Галки сорвались с крестов полковой церкви. – Прекратим комедию, – бретер лениво зевнул. – Надеюсь, теперь вы понимаете, как ошибались насчет честных людей?

С этими словами Лунин повернулся и гордо двинулся к открытым дверям, провожаемый гулом восторженных голосов. Алексей остался на месте. Он был жалок и смешон. А герой дня принимал поздравления.

Бенкендорф увидел, как Лунина нагнал Михаил Орлов. Было естественно ожидать, что брат опозоренного командира бригады предложит наглецу теперь потягаться с ним. Но Мишель дружески похлопал подполковника по плечу.

– Спасибо за жизнь Алексиса.

У Бенкендорфа отвисла челюсть.

– Ты с ума сошел? – Его возмущению не было границ. – Этот Лунин публично унизил твоего брата...

Мишель полоснул старого приятеля ледяным взглядом, но ничего не ответил.

– Не лезь к нему, – с усталой злостью бросил Алексей. – У него теперь другие *братья*. Им он и угрождает.

Карета миновала Казанский собор, обелиск с крестом и каменный мостик, под которым прачки полоскали белье. Потом покатила вдоль длинного двухэтажного здания Гостиного двора, отделенного от улицы частоколом молоденьких липок. Углом на Невский выходила Императорская библиотека, за ней открывался чахлый сквер, а в глубине – стройное здание Большого театра. Съезд начинался около шести, в половине седьмого поднимали занавес, что, впрочем, не прекращало притока зрителей.

Граф и графиня Воронцовы прибыли вовремя. Михаил Семенович не выносил опозданий. Он сам помог жене выйти из экипажа и, держа ее под руку, поднялся по лестнице. Это была красивая пара. Высокий седоватый генерал с навечно приросшей к лицу любезной полуулыбкой. И хрупкая, маленькая дама, бросавшая вокруг себя быстрые взгляды подвижных темных глаз. В фойе Воронцовы встретили генерала Закревского с женой – забавную чету, где муж головы на полторы был ниже своей ненаглядной половины, а супруга блистала такой откровенной, бесстыдной красотой, что проходившие мимо дамы отворачивались от нее, дабы не портить себе настроение. Знакомые устремились друг к другу. Мужчины пожали руки, женщины расцеловались. Поскольку оба семейства были без родственников, то решили смотреть спектакль вместе, в ложе Воронцовых.

Давали «Нину, или сумасшедшую от любви», одну из любимых петербургских опер. Сегодня выступала итальянская труппа, и явилась возможность сравнить ее исполнение с французским. Женщины устали на сцену, а генералы стали потихоньку бубнить о своем. Глупейшая дуэль Орлова с Луниным уже занимала умы.

В тот момент, когда Нина у мраморного фонтана топила в слезах остатки рассудка, а Закревский театральным шепотом заявил: «Лунин и в Польше не остепенился. Как только великий князь его терпит?» – в зал через боковую дверь вошел молодой человек и с шумом двинулся вперед по ногам сидящих.

На опоздавшего зашикали. Михаил Семенович, не терпевший нарушений общественных приличий, презрительно скосил глаза. Юнец проталкивался к своему месту во втором ряду. Какая-то барыня стукнула его ладонью в спину, и он рассыпался в извинениях, делая шуточные поклоны направо-налево, причем отдавал еще больше ног. Это уже не лезло ни в какие ворота, и граф достал лорнет. Вообще-то его зрение позволяло читать заголовки газет в руках у зрителей партера. Но лорнет служил знаком крайнего недовольствия.

Всякому воспитанному человеку известно: если вас лорнируют, значит, вы привлекли внимание. Ведите себя потише. Какое там! Опоздавший невежа считал за доблесть игнорировать правила приличия. Он наконец пробился к своему креслу и плюхнулся с таким скрипом, что певица поперхнулась самой высокой нотой. Повертев головой по сторонам, шалун тоже достал лорнетку и принялся пристально разглядывать восседавших в ложах дам. При виде госпожи Закревской он даже присвистнул, но на лице графини задержал взгляд долее приличного.

– Елизавета Ксаверьевна, извольте отклониться немного вглубь, – ледяным тоном сказал Михаил, сам вплотную придвигаясь к красному, обитому бархатом бортику и как бы заслоняя собой жену.

Это не понравилось шалопаю, и он скорчил графу уморительную рожу. Было видно, что наглец не может решить, которая из дам ему больше нравится. Лиза смотрелась рядом с соседкой как фиалка в тени чайной розы. Но ее нежное лицо дышало такой простотой и

свежестью, что, отведя глаза в сторону, неутомимый мальчишка тут же вновь поднял их наверх в поисках графини.

Михаилу захотелось немедленно спуститься в зал и выволочь паршивца за шиворот из театра. Но подобное поведение было ему не по чину, и он предпочел с холодным высокомерием игнорировать дальнейшие выходки невежи. «Черти кого пускают в театр! – думал граф. – Какой-то черномазый фигляр». Внешность у субъекта действительно была примечательной. Маленький, верткий, как обезьянка, с чуть приплюснутым носом, толстыми губами, поминутно обнажавшими в ухмылке ряд ослепительно-белых зубов, он был смугло желт и сверкал красноватыми белками. Оставалось только гадать, откуда в Питере взялся подобный экземпляр. С начала века стало модно иметь в богатых домах черных горничных, и Михаил решил, что это побочный сын какого-нибудь вельможи от девки-арапки. Иначе трудно было объяснить изящный фрак и ту развязную свободу, с которой мальчишка держался в кругу дворянской публики.

Ему явно приглянулись очаровательные соседки, и он всеми силами старался привлечь их внимание. Громко шикал на актеров, свистел, когда певцы не вытягивали нужных нот. И даже топал ногами при выходе толстого тенора, изображавшего героя-любownika. В паре кресел от невежи сидел какой-то шуплый майор, судя по вниманию, с каким он смотрел на сцену – провинциал. Некоторое время офицер дергался, неодобрительно косился на арапа, потом не выдержал и сипло попросил:

– Молодой человек, тише. Вы мешаете.

Ответом ему был вызывающий взрыв смеха.

– Вам что же, нравится эта галиматья?

Майор виновато сморгнул.

– Весьма любопытно-с.

Шалун одарил соседа презрительным взглядом.

– Ежели я вам чем-то не по нраву, мы можем выяснить отношения, как подобает благородным людям.

– Хорошо, хорошо, – отмахнулся от него офицер. – Только, ради бога, помолчите.

Сосед насмешливо фыркнул и отвернулся от моралиста. В следующую секунду ему вновь сделалось скучно. И, судя по всему, душно. Он всей пятерней стянул с головы нелепый парик и начал обмахиваться им. При этом показался его выбритый после болезни череп, круглый, наподобие бильярдного шара.

– Вы только посмотрите, что вытворяет этот шут! – со смехом воскликнула Аграфена Закревская. – Весь зал пялится на него, а не на актеров.

Ободренный ее вниманием, шалопай сунул руку в карман, извлек оттуда листок бумаги, развернул и пустил по рядам. Михаил Семенович прищурился. Без лорнета он видел гораздо лучше и в первый момент не поверил глазам. Это была небольшая афишка, дурно отпечатанная, со слепым французским шрифтом. Но сомнений быть не могло: на ней красовался портрет Лувеля, убийцы наследника французского престола герцога Беррийского. А наверху шла подпись от руки: «Урок царям!»

Мир очевидным образом сошел с ума. Мавры затевали революцию в снегах Санкт-Петербурга!

– Миша, у меня что-то разболелась голова. – Елизавета Ксаверьевна всегда знала, когда муж хочет уйти. – Поедем домой. Мне кажется, французская труппа исполняла оперу лучше.

В воскресенье, когда все порядочные люди ходят в церковь, а потом бездельничают, Александр Христофорович Бенкендорф отправился в библиотеку штаба гвардейского корпуса. Не то чтобы им овладела страсть к чтению. Ему надо было подумать. Дома же поминутно приставали дочери, редко видевшие отца и повисавшие на нем при первой возможности. В собственном кабинете даже в светлый праздник генерала могли найти и нагрузить

делами. Следовало сокрыться от глаз и обмозговать увиденное. Дуэль Орлова с Луниным не шла из головы.

Почему Мишель не только не вступился за брата, но и благодарил тезку? Для чего понадобилось публичное унижение командира бригады? Как теперь Орлов станет служить? Неужели подаст в отставку? Этого еще не хватало!

– Ваше высокопревосходительство.

Александр Христофорович вздрогнул и поднял глаза. Возле его стола стоял библиотекарь гвардейского штаба Грибовский, неприметный молодой человек, никогда не позволявший себе дерзости напрямую обращаться к вышестоящим. Бенкендорф знал его пару лет и считал, умным, скромным и исполнительным офицером. Недавно он сам подтолкнул карьеру Грибовского, назначив правителем канцелярии комитета раненых. Парень – доктор права Харьковского университета, а ходу наверх никакого! Многие тогда роптали: Грибовский опубликовал книгу о юридических аспектах крестьянской реформы. Но Бенкендорф плевать хотел на злопыхателей. Надоели тупицы!

Сейчас библиотекарь был бледен и мял в руках большой пакет из коричневатой грубой бумаги.

– Не имея возможности лично передать донесение на высочайшее имя, – с легким заиканием сказал он, – я осмелился нижайше просить вас, как особу часто встречающую государя, принять на себя этот труд.

– Не так уж и часто, – протянул Бенкендорф, испытующе глядя в глаза Грибовского. – А вам известно, Михаил Константинович, что подавать донесения следует, не нарушая субординации? Сначала мне, от меня Васильчикову и только потом императору?

Грибовский смешался.

– Дело имеет такую важность... – промямлил он. – Умоляю, ваше высокопревосходительство, не сочтите за оскорбление чина. Моя служба протекает у вас на глазах. Припомните, провинился ли я хоть раз? Был ли замечен в дурных поступках?

– Ну, хорошо, – смягчился Бенкендорф. – Что это? – Он постучал пальцем по пакету.

– Донос, – честно признался библиотекарь.

– На кого? – опешил генерал.

– На злоумышленников.

Оба несколько мгновений в упор смотрели друг на друга.

– Позвольте полюбопытствовать? – выдавил из себя Бенкендорф.

На лице Грибовского выразилась мука. Он не знал, может ли доверить сведения такой секретности даже начальнику штаба. Но, с другой стороны, довести их до государя было больше некому.

– Читайте, – с обреченным видом согласился библиотекарь.

Бенкендорф развернул конверт.

«...Считаю своим долгом сообщить Вашему Императорскому Величеству...»

Александр Христофорович пробежал глазами лист. Раз. Другой. Третий. Работа за него была сделана. По щучьему велению. Только вот прищучить за эту работу могли и его, и Васильчикова, и Грибовского. И еще много разного народу. Потому что высочайшая воля непредсказуема, и очень может быть, что, ограждая государя от опасности, они подставляют собственные головы под удар.

«...Состоя с прошлого года членом Коренной управы “Союза благоденствия”, думал я поначалу, что радение сего общества направлено ко благу человечества и ко смягчению в Отечестве нашем тягостных порядков крепостного уклада. Однако же весьма скоро убедился, что товарищи мои, большею частью люди молодые и поверхностно образованные, видят единственным способом достижения благородных целей кровавое возмущение. Руко-

водят ими лица высокого положения. Николай Тургенев, Федор Глинка, Муравьевы, Михаил Орлов, Оболенский, Якушкин...»

Лучше бы этого не знать.

Библиотекарь вопросительно смотрел на генерала.

– Нужно ознакомить с донесением Иллариона Васильевича. – Бенкендорф вздохнул. – Друг мой, вы осознаете степень собственного риска?

Вечером, когда Воронцовы вернулись во дворец на Английской набережной, их визи-тировал Николай Тургенев. Породистый молодой человек с приятным лицом, но из-за близко посаженных глаз его взгляд все время уходил в сторону. Казалось, гость избегает смотреть прямо. Когда граф командовал корпусом во Франции, Тургенев служил там по дипломатической части, а вернувшись в Россию, пошел в гору и теперь занимал должность помощника статс-секретаря Государственного совета.

Лиза удалилась к себе, а мужчины остались в кабинете. Графиня не любила Николая. После его посещений у мужа происходило разлитие желчи, и он начинал говорить, как якобинец. Язвительно и зло. Чему удивляться? Государь подписал назначение Воронцова генерал-губернатором, но не отдал приказа отбыть к месту службы. Ждал. Наблюдал. Выдерживал нового наместника на коротком поводке. Это бесило Михаила.

Недавно, по просьбе Тургенева, граф обратился к императору за разрешением создать общество, где помещики могли бы обсуждать способы освобождения крепостных. Александр Павлович высказал массу любезных слов и заверил в своем личном благоволении. Лиза внутренне негодовала.

– Почему эти господа сами не пошли к царю? Они используют тебя.

Михаил морщился. Он не собирался спорить с женой на скользкие темы. Но той все равно казалось, что бывший сослуживец втравливает мужа во что-то опасное. Поэтому, пренебрегая правилами хорошего тона, молодая дама потихоньку пробралась к кабинету. Дверь была полуоткрыта.

– Государь не намерен исполнять принятых на себя обязательств, – слышался из-за нее сухой голос гостя. – Я вообще не понимаю, почему все, имеющие средства, не переселяются из России? Здесь невозможно дышать. Я постарел в Петербурге за два года на сто лет...

– Вы уверены, что в Европе карбонарии не украсят вами фонарь? – с усилием рассмеялся Михаил.

Николай только дернул головой.

– Скоро и здесь не будет проходу от желающих освещать улицы телами аристократов. – Он полез в карман сюртука, явил свету вчетверо сложенный листок и, найдя строки, отчеркнутые ногтем, продекламировал:

«Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...»

Граф поперхнулся.

– Что это?

– Стихи. Один поэт. Совсем молодой. У него большие неприятности.

– Не удивляюсь. – Воронцов выхватил листок из рук собеседника и зашвырнул в камин.

– Что толку? Завтра будет новое, – меланхолично отозвался Тургенев. – Государь упустил время, когда все можно было решить мирно.

– Боюсь, что легкость, с которой вы смотрите на подобные вещи, не делает вам чести, – отчеканил хозяин дома. – Как вы себе представляете горы трупов на Невском?

Лиза отошла от двери. Она по-прежнему ничего не понимала и стыдилась своего поведения. Часов около 12-ти гость уехал. Тогда молодая женщина накинула капот и отправилась в кабинет мужа. Михаил неподвижно сидел в кресле, рядом с ним на столике у камина стоял полупустой стакан бренди. Графиня подошла сзади и положила ему руки на плечи.

– Пойдем?

– Я сейчас, – он поцеловал ее в ладонь. – Иди.

Квартира, которую офицеры снимали в доме графа Остермана-Толстого, выходила на Галерную улицу. Две комнаты в нижнем этаже делили между собой адъютант хозяина Иван Лажечников и майор Денисевич, приехавший из Малороссии. Около восьми часов утра постояльцы были отвлечены от своего военного туалета требовательным стуком в дверь. В прихожую вошли три незнакомца, один из которых – худенький молодой человек во фраке – заявил, что у него к майору дело чести. Он метнул на умывавшегося Денисевича огненный взгляд, при этом крылья его арапского носа затрепетали.

– Скажите, сударь, вы ли вчера столь невежливо обошлись со мной в театре? – спросил штатский. – И готовы ли сегодня дать мне удовлетворение?

Стоявшие за спиной у юноши два кавалергардских поручика, молодца и красавца, довольно заушмыляли, погромохивая шпорами и саблями.

– Я? – опешил Денисевич. Он был выбрит ровно наполовину и вертел в руках мыльный помазок.

– Вы были вчера в театре? – потребовал ответа вошедший.

Майор кинул.

– Меня помните?

Денисевич сощурился, и на его лице мелькнуло раздражение.

– Вы тот самый наглец, который всем мешал.

– Отлично. Мы уговорились с вами драться.

Удивлению майора не было границ. Он отставил тазик, взял со спинки стула полотенце, скомкал его и снова бросил на стул.

– Я ничего подобного... И с какой стати?

Его замешательство легко было понять. Это в столице власти сквозь пальцы смотрели на дуэль – слишком много знатных шалопаев – а у них, в провинции, живо пустят под суд и поснимают густые эполеты. Чего майору явно не хотелось.

– Да кто вы, черт возьми, такой, что требуете ответа у штаб-офицера?

Один из кавалергардов выдвинулся вперед и пробасил:

– Вам не стыдно будет иметь дело с моим товарищем. Он дворянин старинной фамилии. Пушкин. Мы секунданты.

При звуке этого имени адъютант Лажечников побелел и подался вперед.

– Не с Александром ли Сергеевичем имею честь разговаривать? – выдохнул он.

– Да, – штатский поклонился, по его губам скользнула приветливая улыбка. Против соседа своего «оскорбителя» он ничего не имел. – Ваш товарищ вчера в театре в присутствии многих слушателей осмелился делать мне выговоры.

– Но вы кричали и мешали остальным смотреть оперу, – возмутился Денисевич.

– Я уже не школьник, – холодно отрезал молодой человек. – И теперь пришел решить дело, как полагается.

Лажечников сам пописывал в стол и о знаменитом авторе «Руслана и Людмилы» был наслышан.

– Обождите, господа! – Схватив соседа за руку, он потащил его в другую комнату.

– Вы понимаете, кто это? – обратился адъютант к Денисевичу, как только дверь закрылась. – Это же Пушкин!

Майор хлопал глазами. Как видно, ни «Ноэль», ни ода «Вольность» в малороссийскую глушь не дошли.

– С ним нельзя стреляться, – гневным шепотом просипел Лажечников. – Это наш Байрон.

– Не имею чести знать, – виновато отозвался Денисевич. – Как вы сказали?

– Байрон, Шиллер, Гете в одном лице и по-русски. Хотите стать убийцей Шекспира?

– Все эти господа вздумали со мной дуэлировать? – ужаснулся простак. – Из-за того, что я сделал замечание в театре?

– Вам лучше извиниться, – глубоко вздохнув, сказал Лажечников. – Если вы хотя бы поцарапаете пулей вашего противника, на завтра получите столько вызовов, что домой живым не выберетесь.

– Боже мой! – простонал Денисевич. – Лучше бы я не ездил в театр. Знаете ли, у нас в гарнизоне с дуэлями очень строго.

– Так идите и откажитесь, – адъютант подтолкнул товарища к двери. – Будем считать, что секунданты настояли на примирении.

Ошалевший от услышанного майор вышел к гостям.

– Господин Пушкин, – начал он неуверенным тоном. – Вчера я действительно... задел вас. О чем сожалею. Не согласитесь ли вы считать инцидент... не бывшим?

Молодой человек несколько мгновений молчал, пристально глядя в растерянное лицо оскорбителя. Потом медленно, в задумчивости кивнул.

– Хорошо. Я вас извиняю.

Денисевич протянул ему было руку, но гость не принял ее и, чуть заметно хмыкнув, удалился. За ним прогрохотала шпорами по паркету кавалергардская свита.

– Алексей Федорович! Что я слышу?

Орлов поморщился. Менее всего он хотел встречаться с великим князем Николаем. Тот имел привычку говорить что думает и питал к генералу горячую приязнь.

– Вы подали в отставку?

Орлов с неохотой обернулся и поклонился царевичу. Это был рослый худощавый молодой человек с чеканным профилем, очень подходивший для того, чтобы идущие на смерть приветствовали его: «Аве, цезарь!» Становилось даже досадно, когда во время разговора мраморное лицо Никса оживало, принимая самое простецкое выражение.

Они столкнулись на Комендантской лестнице Зимнего дворца, где всегда полно лишних глаз, и великий князь увлек генерала налево, в пустынную анфиладу залов.

– Зачем вы написали прошение?

Алексей Федорович помялся. Под пристальным взглядом царевича он чувствовал себя неуютно.

– Вы же знаете эту историю. Я не могу больше командовать. Надо мной смеются почти в лицо.

Никс побагровел.

– А вам не приходило в голову, что именно этого *они* добивались?

– Кто?

Великий князь жестом пригласил собеседника к окну. Во внутреннем двореке шел развод караула.

– Кто у нас служит? – отрывисто произнес он. – Есть честные, исполнительные офицеры. Их мало. Они тянут лямку, несмотря на издевательства. Есть добрые малые, которых большинство. Такие были бы хороши в хороших руках, но под влиянием развратных това-

рищей опускаются. А есть горсть паршивцев, которые перепортили все стадо. Тронь одного, остальные встанут на дыбы. Лунин для нас чужой. Приехал и уехал. Его руками воспользовались. И спрятались в тени.

– Я уже подал прошение. – Орлов поднял ладонь, как бы отменяя все рассуждения.

Великий князь опустил глаза в пол.

– Я его стянул со стола у брата.

– Ваше высочество! – Алексей Федорович онемел от ужаса.

– Давайте порвем! – взмолился царевич. – Без вас бригада пропадет.

Генерал требовательно протянул руку. Великий князь положил в нее бумагу. Несколько секунд Орлов смотрел на плотный гербовый лист, потом с силой скомкал.

– А государь?

– Я все улажу.

Генерал-губернатор Санкт-Петербурга Михаил Андреевич Милорадович крутил в руках увесистый перстень-печатку с вырезанным на рубиновом поле девизом: «Прямота меня поддерживает». Драгоценный подарок императрицы-матери скрывал секрет – плоский камень откидывался, как крышка, а под ним красовалась овальная пластинка слоновой кости с профилем Марии Федоровны, выточенным ею самой. Поскольку генерала и августейшую вдову связывали далеко не служебные отношения, то мысли, навеваемые презентом, заставляли Милорадовича едва приметно улыбаться.

Впрочем, сегодня был как раз такой день, когда прямота должна была поддержать генерал-губернатора. Государь приказал ему призвать к себе коллежского секретаря Пушкина, сказывают, крамольного писаку, и истребовать у него тексты виршей, не пропущенных цензурой.

Сопляк явился в половине двенадцатого, и генерал, как положено, с час промариновал его в передней. Пусть чувствует, к кому пришел. Потом, когда шустрый, как юла, штафирка повертел на стуле дыру, Милорадович милостиво велел пустить.

– Сударь мой, – Михаил Андреевич обратился к гостю важно и вместе с тем ласково, – у меня лично нет к вам никаких вопросов. Но его величество наслышан о дурном содержании ваших стихов. По городу ходят сотни списков. Мне приказано получить от вас экземпляры.

Говоря это, губернатор чуть презрительно косился на засаленные лацканы легонького не по погоде фрака, на тонкую мальчишескую шею визитера и на отсутствующую запонку его правого манжета. Гость не произвел на генерала серьезного впечатления. Государь воюет с мальчишками, заключил Милорадович, и в такт своим мыслям неодобрительно покачал головой.

– Ваше высокопревосходительство, – голос у фрачника был звонким и от волнения вибрировал. – Не знаю, чем я имел несчастье вызвать неудовольствие императора. Однако должен заверить, что стихи я сочиняю для собственного развлечения и записываю из них только то, что может быть подано на рассмотрение цензуры и напечатано в журналах. Если иногда товарищи мои со слуха запоминают иные куплеты, то в том нет моей вины...

– Так вы отказываетесь предоставить властям тексты своих сочинений? – насупился Милорадович. – Это лишь усугубит ваше положение.

– Нет! Отчего же? – с живостью воскликнул Пушкин. – Я лишь говорю, что у меня нет списков. Но я помню стихи и, если вы дадите мне перо и бумагу, то через полчаса у вас будут экземпляры.

Губернатор молча указал за конторку, стоявшую справа от его стола и предназначенную для секретаря.

– Извольте. Но предупреждаю, среди вашей писанины должны быть: похвалы вольности, какая-то рождественская песенка и куплеты про ножик.

Гость согласно кивнул и принялся скрипеть пером, от усердия прикусывая язык. Когда он закончил, Милорадович забрал у него листки и, не взглянув, спрятал в стол.

– Я могу быть свободен?

Генерал отрицательно покачал головой.

– К несчастью, нет. Вот что я должен вам сказать, Александр Сергеевич. Вы изрядно прогневали его величество. Сначала государь предполагал заключить вас в крепость. Но, соболезнуя вашей молодости, склонился на слезные просьбы ваших друзей и заменил заточение ссылкой в Кишинев.

На лице молодого человека отразилась растерянность.

– Кто же, если не секрет, заступился за меня?

Милорадович снова глянул на перстень и усмехнулся.

– У вас, юноша, есть почитатели даже в царской семье.

Глава 2. Наказание невинных

Темень уже завладела городом, и казармы Семеновского полка затихли, когда в длинном гулком коридоре первого этажа раздался протяжный крик, в неурочное время призывавший служивых на переключку. Рядовой «государевой роты» Яков Хрулев, сложив руки рупором, вопил во все горло, а на его наглый вой из сырых камор выбегали товарищи в полном обмундировании и строились с нарочитой тщательностью. Офицера с ними не было.

На переполох из своей комнаты выскочил фельдфебель и, протирая очумелые глаза, спросил:

– Вы чё, братцы?

Ответом ему был дружный гул, а рядовой Николай Степанов, как впоследствии выяснилось, накануне ходивший по холостым солдатским артелям и подбивавший людей на неповиновение, сунул фельдфебелю в нос лист бумаги.

– Жалобу хотим подать. Законную. На полковника Шварца. Зачем заставлял Серегу Торохова плевать в лицо барабанщику Чистякову, понеже тот дурно зорю бьет?

– Да вы ополоумели, братцы, – попытался унять рядовых фельдфебель. – Где это слышано, чтобы рота полковому командиру пеняла? Разойдитесь по-хорошему. Хуже будет.

Ему не вняли. Напротив, в ответ послышались насмешливые выкрики:

– Куда уж хуже?! Вона, у Харитона Павлова ус выдрали. А кто всыпал Кузнецову пятьдесят горячих? Когда это было, чтобы с медалями и под розги?

– Верните нам бывшего полковника! – вторили другие. – Для чего Яков Александрович ушел? Да и по своей ли воле?!

Здоровенные усачи вели себя, как сирые дети, ополчившиеся против злой мачехи. Четыре месяца назад, по государеву приказу, их покинул герой и красавец полковник Потемкин, распустивший боевую единицу отсутствием порки дальше некуда. Его сменил плюгавый немчина Шварц, лично рекомендованный царю Аракчеевым – офицер честный, но жесткий, по словам самого графа. Такой был и надобен. Теперь дня не проходило в любимом полку Александра I, чтобы кто-нибудь не отведал шпицрутен и чьи-нибудь штаны не были вывернуты на предмет поиска по уставу пришитой казенной бирки.

– Братцы, Христом Богом прошу, разойдитесь! – сипел фельдфебель. – Добра из этого не выйдет.

Его не слушали.

– Разойдемся, дай срок! – гаркнул Хрулев. – Так разойдемся, что тут камня на камне не останется. Зови офицеров, пусть идут по начальству. Будем здесь стоять, пока грамотку нашу не возьмут.

Между тем господа офицеры заперлись в своих комнатах и не думали унимать дебоширов. Была ли это трусость, или негласная поддержка – бог весть. Аки соляные столбы, рядовые не сдвигались с места. Помаленьку о замешательстве стало известно в остальном полку. На втором этаже послышался топот, а в окнах других казарм замелькали огни.

Трудно было придумать что-нибудь проще, чем принять жалобу. Шварца терпеть не могли и подчиненные, и высшее гвардейское начальство. Чужак, аракчеевский выкормыш. Это надо ухитриться – за несколько месяцев взбунтовать полк! Дурака стоило отстранить под предлогом болезни, а солдатам пообещать разбирательство.

Командир гвардейского корпуса Васильчиков так бы и поступил, но... у него на столе лежало донесение Грибовского, из которого следовало, что некие тайные силы подбивают солдат к неповиновению. Посему, глубоким вечером 16 октября, получив известие о замешательстве в Семеновском полку, Илларион Васильевич действовал быстро, но необъяснимо для большинства обитателей столицы. По тревоге была поднята первая бригада гвардии и

розданы боевые патроны. К Манежу двинулась конная артиллерия с картечными зарядами в стволах. Все сие могущество в грозном грохоте проследовало по улицам под окнами изумленных горожан, дабы арестовать одну невооруженную роту с листком бумаги.

Бедолаги затворились в Манеже, вокруг которого ошетинились пушками оставшая гвардия.

– Илларион Васильевич, я вас умоляю, пустите меня к ним! – Из дому прискакал бывший командир Потемкин и, распушив перья, ринулся на защиту подчиненных. – Это люди смиренные. Они меня послушают. Их довели до бунта грубым обращением...

– Яков Александрович! – взвился Васильчиков. – Ради бога! Вы их избаловали, а теперь выгораживаете! Здесь вашей вины не меньше, чем Шварца!

– Конечно! – огрызнулся полковник, совсем позабыв, с кем разговаривает. – За четыре месяца превратить образцовую часть в полный п...ц.

Он осекся, осознав, что сказал при начальстве лишнее.

– Видно, с кого ваши люди берут пример!

Васильчиков нервничал, понимая всю глупость положения – спусками на роту. Семеновцы отказывались расходиться, пока у них не примут жалобу.

– В таком случае вы будете арестованы! – прокричал, привстав на стременах, начальник штаба гвардии Бенкендорф. – Выходите по одному и без оружия.

Оружия у рядовых и так не было. Сообщение об аресте привело их в веселую злость. Не нарушая строя, они покинули Манеж и под дулами орудий маршевым шагом двинулись к Петропавловке. Но каково же было удивление начальства, когда из казарм вслед за первой «государевой ротой» стали выходить остальные – также в полном порядке, хотя и без офицеров – строиться в колонны и отбывать под арест. В этом демонстративном презрении был и вызов, и упрек, и плохо скрываемое чувство собственного превосходства.

Илларион Васильевич поднял руку и прикоснулся к своим эполетам, будто проверяя, на месте ли они. Ему уже было ясно, с кого государь спросит за сей ночной позор.

– Трусы! – Аграфена Закревская была вне себя от ярости. – Ничтожества! Неужели все эти годы я оставалась так слепа?

Она буквально изливала на мужа потоки презрения.

– И вы называете себя дворянами! Старшими офицерами! Нацепили ордена и думаете, что они заменят вам совесть?

– Груша, Груша, уймись...

Дежурный генерал Главного штаба не знал, как заткнуть жене рот.

– Проглотили языки и сидите! – бушевала Аграфена. – А ни в чем не повинных людей под кнут и в рудники!

«Если бы под кнут», – вздохнул про себя Арсений Андреевич.

Следствие по делу семеновцев приняло неожиданный оборот. Когда разразился скандал, государь был на конгрессе Священного союза в Троппау. Все хором кинулись умолять его вернуться. Но император считал, что именно этого и добиваются его противники.

«Карбонарии, рассеянные по лицу Европы, вынуждают меня бросить здесь начатое дело и бежать домой тушить пламя революции, – писал он генералу Васильчикову. – Через своих приверженцев в России они возмущают войска, чтобы доказать: наша армия ненадежна, ее нельзя послать ни в Италию, ни в Испанию». Бенкендорф специально показал Арсению отчеркнутые строки в письме государя: «Меня не стоит уверять, будто источником возмущения была жестокость полковника Шварца. Я приписываю случившееся влиянию тайных обществ, которые расплодилось в гвардии после войны».

Сообразно сказанному был и приговор: «Прогнать каждого через батальон шесть раз и отослать в рудники». Суровость поразила многих. Однако военное начальство настолько опростоволосилось во время возмущения, что никто не осмелился возражать.

– Труссы! – не унималась Аграфена. – Командиры дивизий Потемкин и Розен хотя бы показали свое негодование. Вы тоже могли выразить несогласие.

– Ага, и оказаться в отставке? – Арсений закипал медленно, но если расходился, унять его было трудно. – Чего они добились? Надели семеновскую форму и гордо расхаживали по всем гостиним, будоража умы? Солдатам не помогли, зато снискали славу фрондеров! Вы, я полагаю, уронили бы немало слез, если бы меня сняли с должности и вам пришлось бы покинуть двор!

– Зато я смогла бы вас уважать! – парировала Аграфена.

Она все-таки довела его до взрыва.

– А о том, чтобы я мог уважать вас, речи нет?

– В чем дело?

Ее ледяной тон взбесил генерала еще больше. Сузившимися в щелку глазами Закревский буравил жену, будто хотел пригвоздить к месту.

– Я сыт по горло вашими похождениями!

Аграфена плавно повернулась к нему.

– Я не виновата, что мне *нужно* больше, чем вы *можете*.

Ничто так не оскорбляет человека, как правда.

– Довольно! – генерал вскочил. – Я подаю просьбу о разводе. И дочь останется со мной!

– А мое приданое?

– Уж как-нибудь ребенка я прокормлю!

– Не валяйте дурака, Сеня. – Закревская встала и гордо двинулась вон из комнаты. – Я сама уезжаю от вас в Италию.

– С кем из любовников? – выдохнул генерал с такой ненавистью, что Аграфене на мгновение показалось: он вот-вот швырнет ей в голову подсвечник.

– С принцем Кобургским. – Она свысока смотрела на мужа. – Используйте мое приданое для того, чтобы достойно содержать дочь.

Лиза всегда собиралась на бал нарочито долго. Вертелась перед зеркалом, кокетничала со своим отражением, выбирала драгоценности. Граф относился к ее тайному пороку снисходительно. Ему нравилось баловать жену. Лучшие туалеты из Парижа, голландское кружево, лондонское белье и чулки. Они богаты и могут себе позволить жить без оглядки на цены. Со своей стороны, супруга щепетильно следила за его гардеробом. До выхода в отставку Михаил не мог и помыслить, сколько светскому человеку потребно манжет, галстуков и шейных платков. За неделю менялось двадцать рубаш, десять брюк, дюжина жилетов и две дюжины носков. Так что Воронцов без всякой склонности к мотовству слыл щеголем.

– Ваше сиятельство, четверть восьмого. – Он позволил себе нотку нетерпения в голосе.

Лиза что-то чирикнула за дверью гардеробной и через пару минут появилась на пороге в блеске изумрудно-зеленого муарового платья с осиной талией. Ее прическу украшали перья райской птицы, через обнаженное плечо был перекинут прозрачный шарф, концы которого стелились бы по полу, не придерживай их дама в кулачке.

Михаил Семенович молча щелкнул пальцами, чем обычно выражал одобрение ее наряду. Определенно, он взял за себя Золушку. Пусть теперь кусают локти. Кто им мешал разглядеть принцессу?

Сегодня Воронцовы ехали на бал к министру финансов графу Гурьеву на Литейный проспект. Не так далеко, и платье, к счастью, не успеет сильно помяться в карете. Когда они войдут в зал, у всех глаза лопнут. Это было чертовски приятно, ибо Михаил хотел, чтобы ему завидовали. Его супруга имела успех. Однако Лиза несла свое совершенство с удивительным тактом. Ее приходу радовались старушки – строгие судьи нынешних нравов. Бойкие девицы прикусывали язычки. Дамы бледнели. Мужчины выдвигались вперед, ловя рас-

сеянный взгляд графини. А Воронцов самодовольно похмыкивал, предвкушая, как вечером останется с женой наедине.

От Английской набережной до Литейного самым тихим шагом четверть часа. Майскими вечерами никто не гнал, ездоки наслаждались прогулкой. Супруги сели в открытый экипаж и, не торопясь, добрались до проспекта минут за десять. Перед парадным подъездом уже теснились кареты. Кучер правил на привычное место. Лакеи спрыгнули с запяток, растворили дверцы и помогли графине спуститься. Воронцов соскочил на землю сам. Он взял жену под руку, и они торжественным шагом двинулись вверх по ступеням, дорогой приветствуя знакомых.

Высокие двери с цветными стеклами были распахнуты. Возле них привратник в алой ливрее с басонами Гурьевых кланялся гостям. Михаил уже было занес ногу на порог, когда услышал извиняющийся голос слуги:

– Ваших милостей пускать не велено.

В первую секунду он подумал, что ослышался, и удивленно поднял глаза на лакея.

– Ты что, голубчик, в своем уме?

– Точно так-с, – с вежливой непреклонностью отозвался привратник. – Графа и графиню Воронцовых приказано проводить к их карете.

Михаил Семенович стоял как громом пораженный. Лиза опомнилась первая. Осторожно, но твердо она взяла мужа за локоть и повлекла за собой прочь. Они шли, провожаемые изумленными взглядами, ни на кого не оборачиваясь и ничего не говоря. Граф смотрел вперед невидящими глазами. Никогда в жизни он не переживал такого унижения.

Без понукания кучер сам хлестнул лошадей, и карета поспешно выкатилась из ряда праздничных экипажей. Супруги сидели внутри молча. Стыд сжигал обоих. Но если у Лизы щеки горели, то Михаил был мертвенно бледен. Воронцов не сразу отважился скосить на жену глаза. Догадывалась ли она о причине произошедшего? Ее, урожденную графиню Браницкую, фрейлину, любимицу государыни, холоп не пустил в порядочный дом!

Лиза молчала. Она смотрела в сторону и покусывала губу. Краем уха женщина слышала, что многие в свете недовольны поступком Михаила. Считают опасным обсуждение проектов о крестьянах. Пока государь поддерживал идею, роптали вполголоса. Но, вернувшись с конгресса, Александр Павлович в узком кругу высказал свое неодобрение «поспешностью горячих голов». Этого хватило. На фоне следствия в Семеновском полку слова императора звучали угрожающе. И вот один из министров отказал Михаилу от дома. За ним последуют другие.

Лиза протянула руку и завладела пальцами мужа.

– Может, нам стоит уехать на время?

Командир гвардейского корпуса Васильчиков всегда дышал с государем «не в ногу». Причем делал это искренне, в полной уверенности, что его действия получают высочайшее одобрение. Нежелание Александра брать под арест заговорщиков, перечисленных в доносе Грибовского, показалось ему ошибкой, и он испросил аудиенции, чтобы уточнить, так ли понял обожаемого монарха.

– Сии люди весьма зловредны, – настаивал генерал. – Возможно, не без их наущения случилась заминка в Семеновском.

Государь поморщился, как от зубной боли. Его любимый полк! Он числился шефом семеновцев еще в бытность великим князем. В чем и когда им было отказано? А они отплатили черной неблагодарностью. Единицу расформируют и наберут заново. Тех, кто не угодил в рудники, ждет Кавказ. Офицеров разошлют по дальним гарнизонам. Но чего хочет Васильчиков? Что за странная манера давить на императора?

– Вот, хотя бы Николай Тургенев, – бубнил генерал. – Грибовский пишет, что он «нимало не скрывает своих взглядов, гордится званием якобинца, грезит гильотиной и готов

рискнуть, чтобы выиграть все при перевороте». Его наставления вселили во многих молодых людей пагубный образ мыслей.

Александр Павлович поджал губы.

– Я знаю, что он держится крайних убеждений. Но я также знаю его за честного человека. Этого достаточно. – И видя, что Васильчиков недоуменно хлопает глазами, продолжал: – Мой милый Илларион Васильевич, вы служили мне с самого начала моего царствования. Я сам долгие годы разделял подобные заблуждения. Не мне их судить.

«А кому же?» – хотел спросить генерал, но сдержался.

– Ступайте, – отпустил его государь.

Когда смущенный и безмерно озадаченный командир гвардейского корпуса вышел, Александр Павлович приблизился к окну. Его кабинет выходил на набережную. Нева была сплошь покрыта парусами мелких весельных лодок, яликов, прогулочных яхт. В отдалении у Петропавловки маячил трехмачтовый фрегат. Желтоватые очертания крепости в утреннем тумане были словно обведены голубым контуром. Она, как черная мысль, постоянно присутствовала в поле зрения.

Император снова поморщился. Хотят, чтобы он немедленно всех схватил. А может, даже перевешал. Жестокость и трусость – две оборотные стороны невежества. Что при этом скажут союзники? Европа? Из одного уважения к себе монарх не должен показывать, что у него в стране существует непокорность. Тем паче заговор.

Впрочем, как ни туп Васильчиков, а разговор он начал с Тургенева. Кишками чует, кто сметану съел! Император вздохнул и отвернулся от окна. Единственная крупная рыба, попавшаяся на глаза гвардейскому сыску. 30 степень посвящения, «Великий восток Франции». Когда после войны галльские братья обращали внимания на самых толковых из наших, Тургенев был принят вместе с Давыдовым и Орловым. Он сразу поднялся очень высоко и теперь, вероятно, выполняет здесь не свои желания. Его трогать нельзя.

Александр вернулся к столу и повертел в руках верхний лист донесения Грибовского. Резонеров по этому списку он тихо удалит из гвардии. Пусть тогда попробуют устроить переворот! Но наказывать нужно не только их. А в первую голову тех, кто допустил, чтобы по полкам расплзлась гниль. Мало, еще очень мало надежных офицеров, присланных графом Аракчеевым из поселений...

До обеда состоялось заседание Государственного совета, после которого император ласково поманил рукой помощника статс-секретаря Николая Тургенева и тихо, так, чтобы никто не слышал, сказал ему:

– Брат мой, как христианин христианину советую вам: покиньте Россию.

Высочайшая аудиенция оставила у начальника штаба гвардейского корпуса самые противоречивые ощущения. Хотелось или сразу идти на Лебяжью канавку топиться, или отправиться в родовое имение Фалль разводить пчел. Однако по здравому размышлению, Александр Христофорович пошел в кофейную на Невском, откушал там рюмку французского коньяку – выпил бы водки, но дела, – закусил лимоном и, очутившись на улице, кликнул экипаж.

К дому Воронцовых он подъехал еще засветло, когда жара с петербургских улиц уже перелезала на жестяные крыши, а из подворотен вместе с длинными тенями явственно надвигались сумерки. Бенкендорф знал, что ему рады, и с удовольствием посидел бы с Лизой, но сейчас имел разговор к одному Михаилу. По едва приметному движению руки мужа графиня встала и, поцеловав Шуру в лоб, удалилась к себе.

– Что-то не так? – Воронцов насупился. – У тебя неважный вид.

Бенкендорф замялся.

– Помнишь наш разговор в Париже? Ты тогда спрашивал, правильно ли поступил, подав в отставку. Кажется, я готов ответить.

Михаил поднял бровь.

– Да. Абсолютно. – Александр Христофорович перевел дух. – Но я не за тем пришел. Мой сегодняшний разговор с государем... Тьфу ты, черт! Все в голове мешается! Слушай, Миша, тебе надо уезжать. И как можно скорее.

Граф не мигая смотрел на друга.

– Объяснись.

– Я пытаюсь! – сорвался гость. – Так вот, накануне неприятностей в Семеновском полку мы получили известие, что в гвардии действует шайка... ну, тайное общество. Были известны его члены. Все. По фамилиям. Не бог весть какие птицы. Но офицеры. Мы с Илларионом Васильевичем подали императору доклад. Солдат наказали весьма сурово. Я думал, что этих господ хотя бы допросят.

– И что? – с живостью поинтересовался Воронцов. В его глазах мелькнул незнакомый Бенкендорфу сухой блеск.

– Ничего. Трогать не велено. – Александр Христофорович сокрушенно опустил голову. – Сегодня я отвечал на вопросы государя. И знаешь, о ком он спрашивал?

Лицо графа оставалось непроницаемым.

– О тебе. – Гость выдержал паузу. – О Ермолове, Киселеве, Орлове, Волконском. Обо всех, кто реально имел вес в армии. Александра Павловича интересовали вы. И ваши, так сказать, связи с теми, кто указан в списке заговорщиков.

Михаил поднялся. На его лице застыла неприятная улыбка.

– И что же ты сказал?

Бенкендорф заерзал.

– Сказал, что на тебя влияют братья Тургеневы. К счастью, государь этим удовлетворился. Но, Миша, я не знаю, что за каша варится в царской голове! – Гость не мог больше сдерживаться. – Я не понимаю логики его размышлений. И я боюсь.

Воронцов подошел к буфету красного дерева, достал оттуда бутылку бренди и два стакана.

– Чего? Не на тебя же влияют Тургеневы, – съязвил он.

– Но на мне отражаются решения государя, смысла которых я не улавливаю, – парировал генерал. – Виноваты одни, наказывают других. Кто гарантировал, что завтра вас всех не призовут к ответу?

Граф разлил бренди по стаканам.

– Разве вы с Илларионом Васильевичем не можете объяснить...

– Васильчиков снят с должности, – выдал из себя Шурка. – Я тоже.

Рука хозяина застыла в воздухе, и бренди перелился через край.

– Не доглядели. – Бенкендорф невесело рассмеялся. – Не знаю, кого поставят командовать штабом гвардии. Мне дадут первую кирасирскую дивизию. Илларион Васильевич пока никуда не определен. Останется членом Государственного совета. Не густо.

Михаил с жалостью смотрел на друга.

– Ты подашь в отставку?

– Нет. – Александр Христофорович покачал головой. – Меня из армии придется сапогами выпихивать. А тебе скажу: если ты сейчас испросишь у императора разрешение ехать за границу, он только обрадуется. Подальше от греха. Видно, сильно ты насолил своими идеями про крестьян.

Михаил задумался.

– Я рассчитывал уехать совсем в другом направлении.

– Езда бывает не только на юг, но и на север, – разозлился Бенкендорф. – В кандалах и с казенным сопровождением! – Он помедлил, потом взял друга за руку. – Пусть рассеются подозрения. Генерал-губернаторство от тебя не убежит.

Глава 3. «Далече северной столицы»

Кишинев. 1823 год.

– Я вас познакомлю. Забавный парень! – Мишель Орлов влек за собой брата Федора по извилистой улице к Инзовой горе. Старый город, топорщась черепичной корой крыш, обступал их с обеих сторон. Солнце лупило в макушки, из чего можно было заключить, что близится полдень и вскоре в доме губернатора подадут дульчеч с турецким кофе.

– Тебе придется перезнакомить меня с половиной здешних жителей, – благодушно осклабился Федор. Третий из героических братьев, потерявший под Бауценом ногу, но не веселое расположение духа, приехал, чтобы помирить старшего с младшим. И попал в объятия почти раскаявшегося Мишеля. – Будем считать, что мой костыль заменяет миртовую ветвь. Если вы с Алексисом продолжите посылать друг другу проклятья через пол-империи, я, ей-богу, вправлю вам мозги этой деревяшкой!

Мишель заверил добродушного полковника в согласии идти на мировую. И пустился в рассказы о городе.

– Самый занятный малый в Кишиневе – Пушкин, племянник поэта. Да ты его видел на реке у переправы. В красной феске.

– Коротышка? А зачем ему железная палка?

– Тут свой случай. – Мишель рад был поточить лясы. Федор не каждый день выбирался из деревни. – Пушкин решил стреляться с Толстым-Американцем. Тот распустил слух, будто государь, прежде чем выслать поэта из столицы, велел высечь его за шалость в Царском Селе.

– Поделом, – заржал Федор. – Не пытайся цариц целовать!

– В отместку Пушкин рассказывает, что Толстой во время американского путешествия был за шулерство высажен товарищами с корабля на необитаемый остров за шулерство. Вместе с ручной гориллой. Жил с ней, как с женой. А потом съел...

Федор хрюкнул, подавившись смехом.

– Каждое утро он стреляет в стенку восковыми пулями. И носит железную палку, чтобы тренировать руку.

– Штафирка, – презрительно бросил Федор. – Ладно, поглядим.

Дом генерала Инзова располагался на холме. Это было двухэтажное оштукатуренное здание, стены которого, по местной моде покрывали картинки с изображениями выющихся растений. Сзади к постройке примыкал сад, по скату холма спускался виноградник. Под ним в лощине гремела река Бык. Чуть в стороне находился птичник, и неумолчное квохтанье, кукареканье и чириканье сопровождало каждый разговор в комнатах.

Генерал Инзов, добродушный старик, относился к ссыльному по-отечески мягко. Жалкий вид юноши, добравшегося с севера почти без гроша, в каких-то обносках, тронул сердце наместника. Разве родных у него нет? И что за манера у нынешних родителей открещиваться от детей, чуть только они прогневают государя?

Мишель Орлов представил брата хозяину и завсегдатаям его дома – полковникам Алексееву и Липранди. Первый был мастером стула местной ложи «Овидий». Второй – резидентом Главного штаба, часто исчезавшим на турецкой стороне и щеголявшим неизвестно откуда бравшимися деньгами. Те радушно приняли безногого новичка, и братья остались до обеда. Пушкин не появился. Он с утра сидел, запершись в комнате – марал бумагу. Домоправительница генерала молдаванка Катерина пару раз порывалась постучать. Но из-за двери слышалось:

– Я работаю!

Почтенная дама нервничала: как без обеда?

– Куконад Пушка, – наконец закричала она. – Вы не завтракали, не пили кофе, теперь отказываетесь от щей. Я принуждена буду отворить своим ключом. И поставить вам еду на стол.

С этими словами «жипуняса» Катерина загремела связкой, болтавшейся у нее на железном кольце у пояса. Но не успела отомкнуть дверь, как створки сами распахнулись и в лицо экономки вылетел ком рваной бумаги.

– Вот вам! Вот! – раздался изнутри гневный голос. – Из-за вас я погубил целую страницу! Куриные мозги!

Домоправительница гордо выпрямилась, отмахнула от себя бумагу и, повернувшись к кухне, крикнула стряпухе:

– Куконад Пушка хочет куриных мозгов!

Ее слова были встречены дружным смехом. Алексеев поднял с полу листки и сокрушенно вздохнул.

– Еще напишет, – ободрил его Липранди.

Назавтра безногому Орлову вздумалось играть в бильярд. Он прихватил с собой обоих полковников и, по широте душевной, Пушкина, с которого схлынуло вчерашнее вдохновение. Тот сидел, нахохлившись, как птенец, и в задумчивости грыз ногти.

– В бильярдную Гольды? Можно. Лучшее средство взбодриться после бессонницы.

– Полуночничали? – спросил Федор.

– Писал. А нынче голова болит.

– стакан жженки это поправит.

Липранди недовольно глянул на Пушкина, у которого загорелись глаза.

– Федор Федорович, – понизив голос, сказал он. – Молодой человек деликатного сложения, и водку так глотать, как мы с вами, не может.

– Я же ему в рот не вливаю! – искренне удивился Орлов. – Все лучше, чем слушать разговоры моего братца о политической экономии.

При этих словах лица у всех четверых вытянулись, и они поспешили покинуть дом. Бильярдная была просторным, не слишком чистым зданием, по окна вросшим в землю. Под низким потолком клубился сизый дым. Полковники заняли лучший стол. По требованию Орлова хозяин распорядился варить жженку, причем хитрый еврей уверял, что станет поливать сахарную голову чистейшим коньяком. Чему, конечно, никто не поверил.

Пока Федор рассказывал Пушкину – единственному, кто никогда не участвовал в бивачных попойках, – как правильно готовить священный напиток, все шло хорошо. Ссылный внимал Орлову с завистью и восхищением. Он попытался не поверить, что жженку пьют из пистолетов, заливая в дуло. Но все трое с рвением бросились заверять юношу в правдивости Федора. Пришлось сдаться.

– Ах, если бы и у меня сейчас был пистолет!

– Зачем? Они потом стрелять не годятся, – буднично бросил Липранди. – Ей-богу, хуже нет, чем вычищать из затвора застывший сахар!

Пока не поспела жженка, разминались портером. Потом хозяин внес дымящуюся вазу. Алексеев и Орлов, как старые гусары, порешили пить вкруговую. Липранди для виду воспротивился, но более из-за Пушкина, чем из-за себя. Он был человек привычный. Однако ссылный сам громче всех требовал смертной чаши. Первая ваза кое-как сошла с рук, даже удары не стали слабее. Но вторая, поднесенная услужливым Гольдой, подействовала. Лица покраснели, шары взялись ускользать от киев, а устья луз на глазах сузились. Пушкин развеселился, вздумал подходить к бортам бильярда и вспрыгивать на них, мешая игре.

– Да что делает этот школяр! – возмутился Федор. – Он мне сию секунду погубил верный шар! Уймитесь, сударь!

Полковник же Алексеев угрожающе постучал кием о ладонь, присовокупив, что дурачков по-свойски учат. Этого Пушкин снести не мог. С воплем:

– Ах, так! – он разбежался от стены, плюхнулся животом на бильярд и смешал руками шары.

– Что же это?! – Федор схватил поэта за шиворот и, прежде чем Алексеев с Липранди успели помешать, поднял в воздух, размахнулся и вышвырнул в окно. Благо ставни не были закрыты.

С улицы донеслось истеричное кудахтанье. Падая, Пушкин раздавил курицу. Через минуту он фурией вбежал в дом и ринулся на обидчиков с кулаками.

– Я вас вызываю! И вас тоже! – выдохнул ссыльный, хватая Орлова с Алексеевым за рукава. – А вас... – он обернулся к Липранди, – прошу быть моим секундантом.

Делать нечего. Как наиболее крепкий на голову, резидент Главного штаба оговорил с приятелями условия. Завтра в десять. У дома Липранди. Примирение невозможно. И увел разбушевавшегося поэта с собой. Дорогой они спустились на берег Быка, где полковник умыл своего подопечного. Тот уже начал трезветь и раскаиваться.

– Все моя арапская кровь! Я загораюсь, как порох!

– Причина для дуэли вовсе не достойная, – уговаривал Липранди, помогая Пушкину подняться. – Дело при бильярде, под жженку. Надо бы замять.

– Ни за что! – взвился тот. – Я докажу им, что не школьник! Скверно, гадко. Но как же кончить?

– Без хлопот, – пожал плечами спутник. – Не они вас, а вы их вызвали. Если они завтра придут мириться, то честь ваша не пострадает.

– Это басни, – молвил Пушкин со вздохом. – Теодор никогда не согласится. Он обрек себя на верную гибель.

Липранди хмыкнул, но товарищ не почувствовал иронии.

– Все-таки лучше умереть от пули поэта или убить его, чем всю жизнь прозябать в деревне!

– В деревне масса приятного, – зевнул полковник.

Они уже стояли у дома Липранди. Это была обширная мазанка, внутри выстеленная турецкими коврами и заставленная великолепной мебелью на азиатский манер. По стенам висело богатое оружие. В сенях возилась молодая цыганка, с успехом заменявшая барину горничную, кухарку и любовницу.

– Ложитесь-ка, сударь мой, спать, – сказал резидент. – Утро вечера мудренее.

Он подождал, пока приятель засопит, а сам повлекся на поиски остальных участников драмы. Оба обрелись в доме Алексеева, уже охолонувшие и почти трезвые.

– Я не охотник на обезьян! – заявил Федор. – А если наша дуэль навредит брату? Да тьфу, в самом деле! Что я буду мальчишек стрелять?

– Как бы закончить миром? – Алексеев принес трубки. – Ведь нас, господа, засмеют. Право, засмеют.

– Приезжайте завтра, как условились, и скажите Пушкину, что готовы забыть жженку.

Липранди чувствовал: уломать собственного подопечного будет сложнее. Еще затемно он вернулся домой, и во мраке подслеповатой мазанки обнаружил, что поэт и цыганка не теряли времени даром. Взяв блудливую девку за косы, Липранди рывком поднял ее с места.

– Ты что, Шекора, забыла, кто твой барин? – Со смехом он отвесил ей легонького пинка и, ни слова не сказав вероломному постояльцу, завалился спать.

Наутро полковник проснулся позже гостя. Застал того уже умывшимся и с бледной мрачностью в лице. На рассказ Липранди о готовности противников примириться Пушкин взял секунданта за руку.

– Скажите мне откровенно, не пострадает ли моя честь? Ведь они, должно быть, издеваются надо мной?

– Ни капли. Они просят мира.

– Это что-то несообразное, – протянул Александр Сергеевич, принимаясь ходить по комнате. – В той легкости, с которой Теодор отказался от дуэли, таится презрение.

– Да нет же, говорю вам, – рассердился Липранди.

– Я никогда не поверю, чтобы такой рубака, как Орлов, упустил случай подраться.

Полковник горестно вздохнул. Сколько между ними лет разницы? Десять? Двенадцать? Мир странным образом изменился после войны.

– Послушайте, Александр Сергеевич, – серьезно сказал он. – Мы видели в жизни больше крови, чем вы чернил. Случаев подраться у Теодора было достаточно.

В это время во двор явились Алексеев и Орлов, серьезные, чуть сконфуженные, но со смешинкой в глазах. После кратких объяснений они ударили Пушкина по рукам и полезли обниматься. Решено было отпраздновать примирение в Зеленом трактире в верхнем городе.

Белая Церковь.

Лиза сидела в светлой горнице у холодной печи и низала бисер. На ковре посреди комнаты играла маленькая Александрина, в открытое окно с улицы долетал сдуваемые ветром лепестки белого шиповника. Лето царило над имением, укрыться от жары удавалось только в саду да в больших прохладных залах с низкими потолками. Целый выводок детей носился где-то по дому, во дворе и на голубятне. Властная хозяйка Белой Церкви Александра Васильевна Браницкая примирилась со своими польскими отпрысками, отчего на имение сошла Божья милость.

Топая по ковру за лошадкой на колесиках, Александрина поскользнулась и стукнулась носом о деревянное седло. Поднялся рев. Лиза подхватила ее на руки.

– Сколько вас с Мишей учить, не таскайте ребенка! – немедленно отозвалась из соседней комнаты Александра Васильевна.

Графиня в четвертый раз была на сносях. Первая дочь Катя умерла через несколько дней после рождения. А год назад скончался мальчик, названный Сашей в честь дяди-канцлера. Как назло, Михаил опять уехал. Еще вчера не было никаких забот, а сегодня весь мир рухнул генерал-губернатору на голову. Лиза впервые поняла, что такое ждать человека, который и не думает возвращаться.

– Мама, я ему наскучила.

– Глупости. – Госпожа Браницкая хлопала дочь по плечу. – Ты привыкла, что муж всегда под боком. Теперь у него есть дело. Он будет уделять тебе внимание между строительством дорог и спуском пароходов на воду.

Вряд ли такая перспектива могла ободрить Лизу. Но главное испытание ждало ее впереди. В субботу утром приехал Александр Раевский. Увидев, как он выходит во дворе из экипажа и окруженный толпой ее родни идет к дому, графиня чуть не уронила чашку со сливками. Лиза не могла поверить глазам. Как он посмел? Как может так уверенно подниматься на крыльцо, так улыбаться ее братьям, целовать руку матери, чмокать в щеки кузин! Она не знала, что делать. Бежать было поздно. С побелевшим, растерянным лицом графиня предстала перед ним в гостинной. Их разделял ковер, на котором как ни в чем не бывало возилась маленькая Александрина.

– А вот и моя племянница! – провозгласил Раевский. Лиза глазом не успела моргнуть, как он поднял девочку на руки и расцеловал в ямочки на щеках. При этом Сашенька, обычно не любившая чужих, тянула к нему ручки, хихикала и болтала ногами.

– Отдайте! – Женщина сделала решительный шаг вперед. Но тут силы изменили ей, и она лишилась чувств.

Очнулась молодая графиня через несколько минут. Ей растирали виски уксусом.

– Да не толпитесь вы! – с досадой бросила Александра Васильевна. – Окно пошире распахните. Эка невидаль. Брюхатую бабу сморило.

Лизу проводили в спальню, где оставили одну. Она лежала на кровати и думала, как такое возможно? Этот человек брал на руки ее ребенка! И никто, никто во всем доме не знает, насколько чудовищно все, что он делает. Ей нет защиты!

Вечером графиня смогла спуститься к столу. Снова, как в старые, счастливые времена, за ним было многолюдно и весело. Радовались приезду кузена. Расспрашивали о делах в Италии. Он ведь недавно из Неаполя. Трунили, не связался ли Александр с карбонариями. И даже не подозревали, как близки к истине. Лизе снова сделалось не по себе, и она раньше времени ушла спать, приказав горничной остаться на ночь в ее комнате. Просьба молодой женщины не вызвала удивления: барыня на сносях, ей боязно.

Только через два дня Лиза нашла в себе силы объясниться с Александром. Она застала его на вольте верхом на молодой каурой кобыле, которую он учил, методично меняя аллюры. В белой рубашке, с черными кудрями, волной падавшими на отложной воротник, Раевский был великолепен. Заметив графиню, он спешил и, бросив повод подоспевшему берейтору, подошел к ограде.

– Как здоровье, дорогая кузина?

Его глаза смеялись. А манера держаться с ней была такой непринужденной, такой доброжелательно-свойской, словно между ними никогда не было ничего дурного. Лиза даже на мгновение усомнилась в здравости собственного рассудка. Но потом взяла себя в руки.

– Как вы осмелились приехать сюда? – спросила она твердым тоном.

– Для меня несносно не видеть вас столько времени, – просто отозвался Раевский. – Я слышал о ваших несчастьях и полон сочувствия.

Лизина рука взвилась в воздух для пощечины, но молодая женщина усилием воли удержала себя.

– Ваша наглость не имеет границ, – отчеканила она. – Вы в своем уме? А если я выдам вас?

– Никогда, Лиза. Никогда. – Он продолжал улыбаться, но взгляд его стал холодным и повелительным.

– Почему? – Графиня собрала все свое мужество, чтобы изобразить голосом усмешку.

– Потому что вы добры и сострадательны. И потому, что вы... все еще любите меня.

Лиза хотела уйти, но неведомая сила удерживала ее на месте.

– Вам действительно ничего не стоит предать меня, – продолжал Александр. – Карбонарии разгромлены. На них идет охота. Я скрылся в России. Здесь никто не знает обо мне. Я полностью в ваших руках.

Ему доставляла странное наслаждение та безграничная власть, которой Лиза сейчас обладала над ним. От ее желания зависело погубить его. Но Раевский знал, что она этого не делает.

– Вы чудовище, – с ожесточением произнесла графиня. – Вы должны понимать, как обидели меня.

– Любя.

Александр вновь сделал знак берейтору подвести лошадь. Даже право заканчивать разговор он оставлял за собой.

Одесса.

Михаил Семенович открыл глаза среди ночи и долго не мог понять, где находится. Ему привиделся страшный сон. Снилось, что он молод, на Кавказе, и после сражения при Гяндже, почему-то закончившегося неудачей, горцы уволокли его в крепость. Там посадили

с другими несчастными в яму. Горластые обреки стояли вокруг дырки и мочились пленным на головы. Граф исхитрился вывернуться и увидел их лица – государь Александр Павлович, Нессельроде, граф Ланжерон, Гурьев и де Витт – чумазые, в грязных бараньих шапках, с кинжалами.

В окне чуть заметно алел восход. Было часов пять. Над морем в дымке маячил малиновый краешек солнца. Скоро золото разольется по всему горизонту, пробирающая кожу прохлада удержится часов до восьми, а дальше бархатное тепло завладеет городом на весь день. Сентябрь – светлое и тихое время. Михаил потянулся, прочел наскоро «Отче наш» и позвонил в колокольчик, требуя умываться.

Дел хватало, даже если бы он вовсе не ложился. Наместничество напоминало растрезвоженный улей. Из Бессарабии шли дурные вести: разбой и толпы беженцев, не подчинявшиеся никакой власти. В Крыму контрабандой жили целые села. Стычки казаков с татарами на Кубани превращались в побоища. На Херсонщине градом погубило урожай пшеницы, отчего переселенцы побросали мазанки и двинулись побираться в глубь страны. При этом хлеб был. Он лежал на складах, но до появления нового генерал-губернатора никто не осмелился подписать приказ о его раздаче.

Еще в июне, когда они с Лизой ехали на юг, Воронцов впервые столкнулся со здешними порядками. Возле самой границы наместничества, откуда графиня должна была повернуть к Белой Церкви, а граф двигаться дальше, на дороге им попалась толпа замызганных татар, как видно, бредущих уже не первый день. Впереди грязные овцы – так много, что не видно людей. За ними телеги, кибитки, плетеные короба на колесах. Тучи детей. Старухи, восседавшие на передках и правящие колымагами. Угрюмые пешие мужчины. Они выглядели угрожающе. Как любая толпа голодных.

– Спросите у них, кто они и куда идут, – приказал граф. Его сопровождали чиновники местной администрации. Одесский градоначальник Гурьев, сын министра. Несколько коллежских советников. Никто, как оказалось, не знал по-татарски. Позорище!

– Эй, Туманский. – Гурьев поманил молоденького штатского с кудрями до плеч. – Ты вроде понимаешь по-ихнему.

Юноша кивнул. Смущаясь, он выдвинулся вперед и начал с запинкой. Но потом повел разговор бойко. Остановившиеся татары мрачно огрызались и не были склоны удовлетворять праздное любопытство.

– Скажи им, что я генерал-губернатор, пусть отвечают.

Туманский кашлянул, скосил глаза в землю – он робел нового начальника – и сообщил скороговоркой:

– От Отуз идут. Тамошние жители. Две деревни. Между горами в ложине. Разрывали собой земли графа Мордвинова. Он возьми да и подай в суд. Согнали их.

– А разве у них не было бумаги на владение? – спросил Воронцов.

– Лет сорок назад была. Да где-то затеряли. Народ темный. Не знали, что понадобится. Всегда там жили.

Воронцов сжал губы в тонкую складку. На его щеках обозначились жесткие морщины.

– Пусть поворачивают и идут домой. Переведи им.

Татары загалдели. Естественным образом они выражали сомнение в благополучном исходе дела. Из толпы слышались гневные выкрики. Мужчины подались к коляске. Лиза испугалась. Несколько чиновников были плохой защитой. Граф встал.

– Я поеду с вами. Напишу приказ о том, что разрешаю вам вплоть до пересмотра дела жить на своих местах. Переводи, – он бросил быстрый взгляд на Туманского, но тот уже и сам затараторил. Смышленный парень. – С вас соберем подписной лист, что вы от века обитаете на Отузе. Выправим новую грамоту на владение.

Его ли уверенная манера, или извечная тяга простаков думать, что рано или поздно все будет хорошо, но толпа отхлынула от экипажей, раздались гортанные крики, подгонявшие скот, и телеги начали разворачиваться.

– Миша, ты действительно можешь им помочь? – с сомнением прошептала графиня.

Воронцов снисходительно глянул на жену.

– Как сказала твоя матушка? Это мое наследство.

– Но Мордвинов очень влиятельный человек. Член Государственного совета. Ты наживешь сильного врага.

Граф кивнул.

– Очень, очень влиятельный. Потому в суде и закрыли глаза на беззаконие. А у этих людей нет даже бумажки о том, что они существуют.

Ему удалось провести свою волю. Не без сопротивления. Но генерал-губернатор настоял. Через месяц, заехав в Белую Церковь, в разговоре с Браницкой он удивлялся:

– Я всегда высоко ставил Мордвинова. Кажется, чувство чести не позволяет...

Александра Васильевна зевнула.

– Мордвинов? Это тот, что у дяди шестьсот рекрут уморил? Ха! Может, с равными он и честен. А то дикари. Скотина бессловесная. Правильно его дядя из адмиралтейства прогнал. Все Ушакову отдал. Тот был – душа человек.

Крым, как Ноев ковчег, вмещал каждой твари по паре. Татары, турки, евреи, армяне, караимы, русские, украинцы, поляки, сербы, болгары, молдаване, волохи, румыны, казаки... И почти все с оружием. Ибо большая часть поселенцев – изгнанники из османских земель. Нужно было дать им защиту, пропитание, приспособить к делу и не позволять резать друг друга. Старым чиновникам Воронцов не доверял, новых собирал по крохам. Очень не хватало Казначеева с Фабром. А их след простыл. Как в воду канули.

Особенно же сильно не хватало Лизы. Так сильно, что минутами Михаил почти физически не мог переносить ее отсутствия. Но что делать? У Александры Васильевны ей лучше. Там чистый воздух, спокойно, много родни. Дочка присмотрена. А здесь? Дома еще нет. Одни стены и запах штукатурки. За ночь по щучьему веленью дворцы не строят. Нет сада. А без тени в Одессе не жить. Но хуже всего – то чуму занесет с турецкого берега, то колодцы на сто верст стоят с гнилью у дна. Нет в городе хорошей воды. Одно вино. Хоть мойся мадерой!

Лиза же сердилась на него. Он чувствовал это в каждый свой приезд. Уговаривал, утешал, обещал скоро забрать.

– Потерпи, я все сделаю. Чума! Пылица на улицах! Я так боюсь за вас с Сашей.

А она за него не боится?!

Если бы сейчас Лиза была с ним, не снились бы кошмары!

Село Каменка. Киевская губерния.

Имение Давыдовых раскинулось на берегу реки Тясмины. За деревянной церковью открывался вид на барский дом – скорее дворец, – точно по волшебству перенесенный в дикие степи из сердца просвещенной Европы. Хозяйка, урожденная герцогиня де Граммон, слыла местным божеством, на алтаре которого дымились разбитые сердца. Муж Александр Львович с равнодушной ленцой взирал на свое сокровище. Кавалеры не уставали повторять строчки неподражаемого Дениса: «О, Аглая, как идет тебе быть лукавой и обманчивой...» Но капризница добивалась иных стихов.

С некоторого времени ее внимание притягивал смуглый постреленок, завезенный как-то братьями Давыдовыми в гости. Нынче Пушкин примчался в дрянной повозке, нанятой за гроши у чумаков, стоя, запыленный, с горящими глазами и без шляпы. Встретившая экипаж двенадцатилетняя дочка хозяев в страхе бросилась от энергично жестикулировавшего гостя.

– Сумасшедший!

– Ах, глупая, – урезонила ее мать. – Он всегда такой.

Чемодан с рукописями остался неразобранным. Зато, лежа на бильярдном столе, поэту удалось закончить «Кавказского пленника» и еще множество милых мелочей, не предназначенных для печати. Маленькая Адель, думая извиниться за нерадушную встречу, с первого дня была с гостем ласкова, чему Пушкин предал особое значение. Как-то за обедом поэт сидел визави с ней и, покраснев до ушей, бросал на предмет страсти огненные взоры, чем вогнал ребенка в трепет.

– Прекратите, – шепотом потребовал от него старинный приятель Александр Раевский. – Она еще дитя, вы ее смущаете.

– Пусть! – отрывисто выдохнул поэт. – Накажу кокетку. То любезна, то жестока!

Он схватил вилку, зубчиком нацарапал на салфетке: «Час упоенья лови, лови! Младые лета отдай любви!» – и живо перебросил через стол. Не выдержав такого штурма, барышня вскочила и, дробно стуча каблучками, выбежала вон.

Все это происходило под неодобрительно прищуренными небесно-голубыми глазами матери. Аглая Антоновна закусил губку, взяла испорченную салфетку и нарочито небрежно промокнула ею рот.

– Чудесный день. Солнечно, но не жарко. Не прогуляетесь ли со мною в саду, мсье Пушкин? – спросила она по-французски.

Александр поднялся. На его лице выразилась досада. Менее всего он хотел выслушивать нотации ревнивой метрессы.

– Итак, друг мой, вы считаете, что Адель – готовый идол для поклонения?

Спутники шли по дорожке, обсаженной кустами белых роз.

– Вы же знаете, мадам, что мое обожание всегда невинно.

– Ах вы, ветреник! – Аглая погрозила гостью пальцем. – А давно ли вот у этой скамейки вы уверяли меня в вечной любви?

– Вечная любовь живет три недели.

Аглая всплеснула руками.

– Что за мода пошла у молодых людей покорять дам цинизмом?

Пушкин не мог понять, смеется она или всерьез взялась за упреки.

– Помилуй бог, сударыня! Мы хорошие друзья. Скука, ревнивый муж, удобный случай – вот наши права на близость. Мы отлично провели время.

– И с такими понятиями вы осаждаете мое дитя? – Был ли ее гнев шуткой?

Пушкин вздохнул глубоко и горестно, всем видом показывая, сколь нелепым ему кажется разговор.

– У вас дочь, у меня младший брат. Их время любить. Наше – злословить.

Госпожа Давыдова вспыхнула. Никогда в жизни она не слышала ничего оскорбительнее. И от кого? От мальчишки, которого из милости приютили в ее доме! Больше не удостоив спутника ни словом, Аглая повернулась и пошла прочь. Ее грациозная фигура несколько раз мелькнула за кустами.

В это время Пушкина позвали из окна кабинета хозяина.

– Александр, иди сюда! У нас спор!

На втором этаже в диванной, примыкавшей к комнатам Василия Львовича, собралась компания гостей, среди которых был добрейший генерал Раевский с двумя сыновьями и зятем Мишелем Орловым. Он внимательно взирает на молодежь и мучился подозрениями, не состоят ли некоторые из этих господ в заговоре. В означенный день конспираторы сговорились сбить старика с толку. Орлов предложил вопрос: насколько было бы полезно учредить в России общество на манер карбонариев.

– Что из этого выйдет? – рассуждал он. – Заказные убийства? Кровавый переворот? Захочет ли кто из нас запятнать себя участием?

– Но и терпеть произвол Аракчеева невозможно, – возразил Василий Львович.

– Однако не восставать же с оружием в руках против присяги, – заметил Орлов.

– А почему бы и нет?! – взвился со стула Пушкин. – Почему нет? Когда царь обманул надежды подданных? Когда наши братья в Испании и Италии сражаются с тиранами, а мы поставляем солдат для подавления свободы!

– А потому, юноша, – окоротил его старик Раевский, – что негоже русскому человеку проливать русскую кровь на русской земле. Однако же и вы, братцы, не правы. – Он обернулся к остальным. – Тайное общество одним фактом своего существования может принести много пользы. Государь, зная о заговорщиках, остережется творить беззаконие. А известие о том, что общество велико, может подвигнуть его к реформам.

– Ваше высокопревосходительство говорит, как якобинец, – рассмеялся Орлов. – Если бы теперь уже существовало нечто подобное, вы бы не присоединились к нему?

– Почему же? – надулся старик. – Может, и присоединился бы. Даже наверное присоединился бы.

Его слова были встречены гулом одобрения.

– Тогда дайте вашу руку, – провозгласил Мишель.

Николай Николаевич на мгновение заколебался, а потом протянул ладонь вперед и с жаром потряс руку зятя. Тот расхохотался.

– Вы, конечно, понимаете, что сказанное – шутка.

Все заверили Орлова, будто не принимают его слова всерьез. Один Пушкин разволновался, вскочил и зашагал по комнате.

– Да что же это, господа! Вы дали мне надежду! А выходит, нет ничего святого, только розыгрыш?

– А ты решил, что тебя сейчас примут в карбонарии? – подтрунил Александр Раевский.

– Ах, оставьте! – Раскрасневшийся от обиды поэт ринулся вниз по лестнице, и до собравшихся донесся грохот. Видно, последние ступеньки он миновал кубарем.

– Вот потому у нас и нет тайных обществ, – с оттенком досады заключил старик-генерал, – что состоять в них хотят одни шалопаи. Или я ошибаюсь?

Миргород. Херсонская губерния.

Штаб-квартира 3-го уланского полка.

Военные поселения.

Полковник Казначеев взял со стола пистолет. Он смотрел на оружие отстраненно и несколько свысока, будто не одобряя того, что сейчас собирался сделать. Это была пара «лепажей» несчастного Ожеро. Зачем он тогда купил их? Неужели знал, что пригодятся?

Саша прищурился, пытаясь понять, какой именно пистолет сыграл роковую роль в гостинице «Шартье». Как будет правильно? Если он застрелится из другого? Тогда вся пара станет роковой. Или из того же, что Ожеро? В таком случае трагическое пересечение их судеб обретет изящную концовку. Тот – этот? Этот – тот?

Он не решил. Со двора послышался топот. Кто-то взбежал по лестнице дома и заколотил в дверь. Судя по характерному сочетанию русских и французских фраз, к нему ломился Фабр.

– Алекс?

Пришлось открывать. Полковник ввалился в комнату, повел по сторонам курчавой головой, вознегодовал на беспорядок и прокурорским тоном осведомился:

– Опять пил?

Когда-то они были друзьями. Очень близкими. Да и теперь, наверное... Раньше оба служили у Воронцова во Франции. Потом при расформировании корпуса попали в поселения. Вместе прошли через следствие о бунте под Новгородом, но за неимением улики были

без понижения в чинах отосланы на юг, к графу Витту, начальнику здешнего аракчеевского царства.

– Наш граф приехал! – выдохнул Фабр, не в силах больше удерживать новость.

– Эка невидаль, – зевнул Саша. – Он что ни день ездит.

– Да нет же! – оборвал его Алекс. – *Наш* граф! Михаил Семенович! Приехал к Витту. Казначеев переменился в лице.

– Он тебя видел?

– Нет. Его сразу пригласили в дом. Вряд ли он знает, что мы здесь.

Сашины губы дрогнули в горькой усмешке.

– А если и узнает? Кто мы ему? Сватья-братья? Мы здесь каторжные. У нас на лбу клеймо. Захочет его сиятельство из-за нас ссориться с Виттом?

Фабр поник. Он понимал правду друга. Но эта правда довела бывшего адъютанта сначала до стакана, а потом... Алекс нехорошо покосился на пистолеты.

– Ты что удумал?

– Ничего, – буркнул Саша. – Чистил их.

– Оно и видно, – разозлился француз. – Опустился ниже некуда! Станем за себя графа просить, что ты ему скажешь?

– А то и скажу, – почти выкрикнул Казначеев. – Христом Богом молю, ваше сиятельство, заберите нас отсюда. И в ноги. А уж там, как ему совесть позволит.

Бывший заместитель начальника штаба махнул рукой. Не время ссориться.

– Вот что, друг. Седлай двух лошадей. Сам сделай, не доверяй никому, донесут. И веди их потихоньку к балке. Там дорога делает крюк. За косогором не видно. Подождем, когда поедет назад. Нагоним. Хоть повидаем. И... что Бог даст.

Жизнь в России сделала Фабра фаталистом.

Тем временем Михаил Семенович действительно наслаждался обществом графа Иосифа де Витта. Это был маленького роста подвижный субъект. Смуглый, как грек, и вспыльчивый, как поляк. Его мать, знаменитая фанариотка Софья де Витт, во втором замужестве графиня Потоцкая, долгие годы служила русской резиденткой в Польше, выполняя самые щекотливые поручения. От нее сын унаследовал не только авантюрную жилку, но и самую должность – негласного агента императора Александра на юге. Он собирал сведения обо всем, что интересовало государя, и помимо видимой лестницы чинов двигался по невидимой, становясь все нужнее монаршей особе. Именно эта близость к царю возбудила в сердце Аракчеева род ревности. На беду, Витт был нечист на руку, много играл и проигрывал, содержал самую роскошную любовницу между Варшавой и Одессой. Вскрылись растраты. А этого Змей не любил, но тронуть Витта не мог, пока тот был нужен государю.

Воронцова хозяин южных поселений принял с напускным радушием. Его линии вклинивались в наместничество Михаила Семеновича, но не подлежали административному контролю генерал-губернатора. Им предстояло сглаживать неизбежные трения. А значит, визит нового наместника оправдан. Конечно, лучше было бы, если бы должности начальника южных поселений и генерал-губернатора Новороссии соединялись в одном лице. Витт изо всех сил намекал на это государю. Но Александр Павлович придерживался римского изречения: «Разделяй и властвуй». Он не позволил Витту слишком усилиться, но в утешение приказал следить за Воронцовым. Это поддерживало у агента надежду, что рано или поздно он сумеет подловить графа на чем-нибудь предосудительном.

Сложность заключалась в одном: отправляя Михаила Семеновича из столицы, государь сказал ему, что Витт претендовал на его место. И теперь Воронцов держался настороже. Подобная информация очень полезна, когда не хочешь, чтобы люди сговорились друг с другом против тебя. Александр Павлович мастерски владел этим оружием.

Рассыпаясь во взаимных любезностях, два начальствующих лица прошли на веранду графского дома, где был накрыт стол.

– А ваша супруга еще не изволила прибыть в Одессу? – осведомился Витт. – Вы, как я слышал, недавно женаты и, должно быть, скучаете?

– Дамское общество всегда облагораживает жизнь, – улыбнулся Воронцов.

– В таком случае позвольте представить вам мою добрую подругу графиню Каролину Собаньскую.

На веранду вошла высокая величественная женщина лет тридцати и с самым приятным видом подала гостю руку для поцелуя. Михаил Семенович знал, что Витт и его любовница живут не скрываясь. Впрочем, происхождение и богатство дамы позволяло ей с блеском нести свою скандальную репутацию. Как человек светский, Воронцов не позволил себе ни жестом, ни словом обнаружить истинного отношения. Он повел себя с изысканной любезностью, ухаживая за Каролиной, как ухаживал бы за всякой женщиной своего круга. Его безупречное поведение понравилось хозяевам, и за столом завязалась непринужденная беседа.

При этом госпожа Собаньская с любопытством разглядывала нового мужчину. Она признала гостя красивым. И весьма желанным. Михаил посчитал ее наглой. Он несколько раз поймал себя на том, что непроизвольно упирается глазами в вырез ее платья. Каролина заметила это и громко рассмеялась. Ее невинное кокетство рассердило графа, он постарался взять себя в руки и во все остальное время смотрел на супницу.

При первой встрече дела не обсуждались. Высокие стороны ограничились заверениями в любой момент разрешать все возникающие споры и оказывать друг другу полное содействие. За сим Воронцов удалился.

– Что ты о нем скажешь? – спросил Витт, когда они с Каролиной остались с глазу на глаз.

– Весьма-а, – протянула женщина и, спохватившись, добавила: – Весьма опасен. Умен. Осторожен. И многое знает.

Витт кивнул. Он доверял ее интуиции.

– Я того же мнения. С ним будет трудно.

На губах госпожи Собаньской расплылась дразнящая улыбка.

– Всякого можно на чем-нибудь поймать. Граф – человек с двойным дном. Под всеми его деловыми качествами он мягок и честен. Такие люди часто совершают промахи. Из самых лучших побуждений.

– Каролина, душа моя, – взмолился Витт. – Ты должна стать к нему поближе. Я же видел, как он на тебя смотрел! Немного сведений из его частной жизни нам не повредит.

Оба не имели ни малейшего понятия, что в этот самый момент на дороге у балки наместник совершает искомый промах.

Казначеев и Фабр нагнали его карету верхом. В первую минуту граф подумал, что Витт послал ему сопровождение. Но, выглянув в окно и узнав скачущих, вскрикнул и застучал кулаком в стену, требуя остановиться. Несколько мгновений все трое не могли сказать ни слова. Потом Казначеев заревел, как младенец. Фабр затараторил, силясь втиснуть в несколько фраз все пережитое. А граф схватил обоих за руки и втянул в экипаж.

– Я вас обыскался! – воскликнул он с такой досадой, словно сослуживцы были винюваты, что их загнали в поселения. – Черт дер! Вы, оказывается, здесь. И что прикажите делать?

Вопрос не требовал ответа. Из линий увольнения не бывает.

– Батюшка, Михаил Семенович, – возопил Казначеев, порываясь прямо в карете встать на колени. – Христом Богом молим. Сдохнем мы тут! Не выдавайте!

Как бы Фабру не было стыдно за друга, он почел долгом от себя добавить:

– Истинная правда. – И перекрестился. Почему-то справа налево, хоть и был католиком.

Несчастный вид и странные манеры товарищей произвели на Воронцова тяжелое впечатление. Прав Шурка, здесь из дворян холопов делают.

– Оставайтесь, – отрывисто бросил он. – Скоро выедем из поселений. Я вас спрячу.

Глава 4. Неприятности

Кишинев.

В субботу утром генерал Сабанеев въехал в Кишинев и не узнал города. Из тихого провинциального убожества он вдруг превратился в караван-сарай. Вместо двенадцати тысяч теснилось до пятидесяти. А вокруг, сколько хватало глаз, табором раскинулись кибитки, телеги, палатки и цветные шатры. Беженцы из Греции, Молдавии и Валахии запрудили Бес-сарабию шумной, многоводной рекой. Они галдели, требовали еды, места для житья, защиты от турок. Несчастный наместник Инзов не знал, что с ними делать.

Сабанеев велел править к дому генерал-губернатора.

– Ну, Иван Никитич, у тебя прямо вавилонское столпотворение! – заявил гость, всходя на крыльцо. – Мне в Тирасполе, благодарение Богу, такое пока не снилось.

– Да уж, есть за что Господа славить! – Инзов обнял товарища. – Никогда не думал, что на старости лет попаду в переplet. Черт их разбери, откуда столько понаехало на мою голову!

Хозяин кликнул экономке, чтобы подавала обед, да велел звать из-под ареста «куко-наша Пушки», который сидел без сапог. Он, вишь ты, ездил на днях верхом по городу, увидел в одном окошке прелестный девичий профиль и с криком:

– Ба, ба, ба!!! – направил коня на ступени дома.

Девушка, не донеся ложку до рта, упала в обморок. Родители подали жалобу. Инзов запер ссыльного дома, отобрав у него обувь.

Нынче около полудня старик навестил арестанта. Поэт сидел на кровати в чем мать родила – жара стояла прямо-таки абиссинская – и пером отстукивал ритм по одеялу. Поняв, что не вовремя, генерал хотел ретироваться, но Пушкин вскочил и за руку утянул его в комнату.

– Это все пустое! – воскликнул он. – Ничего в голову нейдет. Как вы поживаете, Иван Никитич?

– Да вот-с, – Инзов закашлялся. – Хотел-с поговорить с вами об испанской конституции. Думал немного развлечь.

Глаза поэта зажглись.

– Что тут говорить, ваше высокопревосходительство! Любопытно посмотреть, как в наших журналах опубликуют ее текст!

Наместник засмеялся и присел на край кровати. Право слово, мальчишка забавный. И что не скажет, то в самое яблочко!

– Раньше монархи воевали друг с другом, – продолжал Пушкин. – А теперь со своими народами. Нетрудно догадаться, кто победит. Что слышно про восставших греков?

– Ничего утешительного, – вздохнул Инзов. – У переправы через Прут был бой. Возле местечка Скуляны на неглубоком месте скопились телеги и народу несколько тысяч. Этэристы¹ побросали оружие и кинулись скрываться от турок в толпу. Те стали жарить по беженцам. Народ попрыгал в воду и вплавь до здешнего берега. Тут их прикрыл огонь наших батальонов.

– Стыдно должно быть грекам. – Пушкин покусал кончик пера. – Как они мне огадили своей трусостью!

¹ В апреле 1820 г. генерал-майор русской службы грек Александр Ипсиланти стал руководителем греческой освободительной организации «Филики этэрия» («Дружеское общество»). В марте 1821 года во главе повстанцев «Священного батальона» он перешел реку Прут, рассчитывая пройти через Молдавию, Валахию и Болгарию в Грецию, где началось вооруженное восстание против турок. Его отряды были разбиты османскими регулярными частями.

– Пойдемте обедать, – поманил арестанта Инзов. – Ко мне сейчас друг придет, генерал Сабанеев. Только вы при нем, того, не надо о политике...

– Да я и тут посижу, – пожал плечами поэт.

– Нет, нет, это неловко. Что вы, как в темнице.

Вняв увещаниям старика, Пушкин явился за столом, был представлен Сабанееву, и, исполняя обещание, сидел как в рот воды набрав. После пары рюмок лафиту генералы совсем забыли о нем и пустились в разговоры. А их шаловливый сотрапезник обмакнул вилку в соус и ну чертить на скатерти профили обоих. У Инзова нос картошкой и волосы торчком. А Сабанеев... Сабанеев ему долго не давался. Это был невысокого роста живой волчок лет за пятьдесят. С умным подвижным лицом без красоты. Из-под ершистой вздорности у него проглядывало добродушие, а минутами и затаенная боль.

– Сам посуди, Иван Никитич, – вещал гость, – каким манером идут дела. Нигде не марается столько бумаги, как у нас. Все рапорты да резолюции. Ничто не соображено с возможностями человеческими. Плац, маневры, плац, маневры. А ведь солдата и поберечь надо, война на носу.

Наместник повздыхал.

– Твоя правда. Да что делать?

– Ох, не знаю. – Сабанеев с хрустом разломил куриное крыло и надолго замолчал, отдавая должное искусству «жипунясы» Катерины. – Корпус мой – две дивизии некомплектных. Взглянешь – вздрогнешь. Казармы сырые. Хороших ротных нет. Продовольствия не допросишься. В самый день моего вступления в должность одного бедолагу из егерского полка засекли за украденную индюшку. Ропот повсеместный. Я, что мог, поправил. Но нужны деньги из Петербурга и хоть малое к людям снисхождение.

– Когда у нас о людях думали? – Инзов велел подавать сладкое. – Сколько я прошу вспомоществования для беженцев. Как саранча, скоро весь город съедят. Нет ответа.

– Я тебе расскажу один случай, – Сабанеев с наслаждением вытер губы. – Передай экономке от меня душевное спасибо. Так вот. Стояли мы у Сульца, в восемьсот тринадцатом году. Было там большое озеро, и ввечеру я пошел поглазеть на закат. Едут мимо казаки. «Куда скачете, молодцы?» «Коней купать». И, не замедляя шага, дальше. Топают мои пехотинцы с котелком. «А вам чего не спится?» «Виноваты, ваше высокородие. Каши поели, пить захотелось». И стоят столбом. Так мне горько стало. Может ли быть человек виноват, что ему пить хочется? Один народ, а... – он махнул рукой. – Кому воля, кому недоля.

Инзов всей душой сочувствовал другу, но что они могли изменить? Хозяин кликнул принести трубки.

– Вот ты мне скажи, Иван Васильевич, скоро ли, на твой взгляд, грохнет?

Оба имели в виду войну с Портой. Бедствия другого сорта просто не приходили служакам в голову.

– Да уж, грохнет, так грохнет, – Сабанеев затаился. – Вишь, турки-то весь Фанар² вырезали. Патриарха вниз головой повесили. Неужели мы и такую пощечину стерпим? С другого бока, если посмотреть, то мы к войне не готовы. Штабные одну песню тянут – шапками закидаем.

– Мудозвоны! – раздался под потолком столовой хриплый старческий голос.

Оба генерала вскинули головы и в изумлении уставились на большого белого попугая, хлопавшего крыльями и раскачивавшего клетку. Мгновение они молчали, а потом зашлись дружным хохотом.

– Святая правда! – повторял Сабанеев. – Истинно так!

² Фанар – греческий квартал в Стамбуле.

– Это Александр Сергеевич нашалил, – сквозь слезы отозвался Инзов. – Ну до чего шkodливый парень! Спасу нет! Выучил птицу ругаться по матушке.

Одесса.

Есть женщины, рожденные для оглушительного успеха. Каролина Собаньская принадлежала к их числу. Ее трудно было назвать красивой. Рост и фигура античной кариатиды сочетались с крупными, даже грубыми чертами лица и низким, щекочущим утробу голосом. Не всякий был способен устоять перед исходившим от нее мощным призывом плоти.

Вскоре после возвращения из Миргорода Воронцов присутствовал на балу у Гурьевых. Ровно посреди праздника в залу вступила божественная Каролина. Высоко неся гордую голову, увенчанную двойной диадемой, она прошествовала через гостиную и, не обращая внимания на ропот дам, опустилась в кресло с видом королевы, занявшей трон.

Ее чеканный профиль, выделявшийся на фоне бархатной портьеры, привлек внимание наместника. Почувствовав его взгляд, Собаньская немедленно обернулась, и пришлось подойти, ибо молчание было бы расценено как невежливость. Они обменялись парой ничего не значащих фраз. Заиграли кадрили, и Михаил глазом не успел моргнуть, как оказался в паре с пассивной де Витта. Хотя и не мог припомнить, приглашал ли ее, или графиня просто оперлась на его руку, когда услышала музыку.

Закончилась кадрили. Они прошли тур вальса. Когда скрипки смолкли, на них уже поглядывали косо.

– Проводите меня на воздух, – потребовала Каролина. – Здесь душно.

Вынужденная любезность – оборотная сторона хорошего воспитания. Чугунный балкон выходил на Приморский бульвар. Внизу раздавались голоса прохожих, тускло горели фонари. За зеленью акаций, обнимавших дом, свет мерцал рассеянно и нежно.

– Вы так скучаете по супруге? Неужели никто не может развеять вашу грусть? – Собаньская взяла Михаила руку спокойно и твердо, как если бы имела на это право.

– Сударыня. – Воронцов высвободил свои пальцы. – Прекрасный вечер.

– О, несомненно! – рассеялась она. – Его можно сделать еще лучше. Поедемте к вам.

Каролина была абсолютно уверена в своей неотразимости. Граф понял, что не может отвести глаз от полных, будто молоком облитых плеч собеседницы. Собственная слабость разозлила его.

– Ну же, никто ничего не узнает, – поддразнила Собаньская.

– Уже знает весь зал. – С этими словами Михаил Семенович взял графиню под руку, распахнул балконные двери и с самой изысканной предупредительностью проводил на место.

– Прощайте, рыцарь печального образа. – Каролина покусывала веер. – Вы будете сожалеть.

– Этот человек добывает деньги из воздуха! – Граф Ланжерон не терял приподнятого настроения, даже когда сердился.

Бывший новороссийский генерал-губернатор, некогда выпросивший для Одессы статус «порто-франко», считал себя благодетелем города. На его даче в виду Карантинной гавани собралась тесная компания из трех персон. Градоначальник Гурьев. Феликс де Рибас, держатель откупа на соляные промыслы. Граф де Витт. Все сплошь люди деловые. Шелкопрядство, разведение овец, рыбные ловли, а главное – морская негодия с Францией, Италией и Турцией – давали им ежегодно миллионные прибыли. А даровой труд военных поселенцев утраивал капитал. Очень не хотелось, чтобы в налаженном хозяйстве кто-то шуровал палкой!

– Вообразите, – негодовал Гурьев, молодой, отменно некрасивый тип с круглыми глазами камбалы. – Он решил застроить весь Приморский бульвар! Раздал участки желающим,

безданно-беспошлинно. Одно условие – через пять лет дом в три этажа. Выписал Кваренги! Из каких, спрашивается, средств? Только пыль в глаза пускать! Но город в восторге.

– Скоро рукоплескания утихнут. Новый налог на дорожное строительство многих отрезвил, – покачал головой Витт.

– Он выкрутился. – Гурьев был задет за живое, ибо граф влез в его прерогативы. – Предложил частным подрядчикам на свои деньги строить казенные здания, с тем чтобы администрация потом арендовала их у владельцев. Очень выгодный, я скажу, прожект. Купчишки сразу приумолкли.

– Приумолкли они, как же! Только и слышно, граф то, граф се. Его сиятельство намерен мостить улицы, долбить скважины с водой. Заказал пароход в Англии... На это нужны деньги. Где он намерен их брать? Из кармана обывателей? Вся Новороссия по миру пойдет.

Ланжерон затянулся сигарой и обвел гостей насмешливым взглядом. Веселость нрава помогала ему относиться к неприятностям с чисто французской легкостью.

– Вы напрасно так встревожились, господа. Недостаток средств – та ловушка, в которую наместник сам себя загонит. Он амбициозен и горд. Не спросясь совета, решил долбить местный камень. А известняк что? Труха. Если им мостить улицы, через год под ногами останется одна пыль. Казенные же деньги будут потрачены. Вот вам и повод для донесения в Петербург. – Ланжерон поклонился в сторону Витта. – Мы бы ему сказали об опасности. Но он не спрашивает! То же и скважины. На достаточную глубину их пока увести нельзя. Какое-то время будет вода, а потом пойдет грязь. И опять казенные миллионы на ветер.

– Что же вы предлагаете? – буркнул Гурьев. – Ждать? Пока в Петербурге почешутся его снимать, он натурально доберется до наших дел. А контрабанда...

– В том-то и прелесть! – всплеснул руками Ланжерон, поражаясь непонятливости гостей. – Контрабанда дает верный доход. Ему не покрыть растрат казенных денег, не вступив в нашу невинную негоцию. Да и сама эта отрасль должна его заинтересовать. Сейчас он богат, а будет еще богаче. Ему надобно намекнуть. Ведь пресечение подзаконного товарооборота с Турцией лишит работы тысячи местных бедолаг. Он же не захочет, чтобы люди голодали.

– Говорю вам, он создает рабочие места, как фокусник! – рассердился Гурьев. – Одно мощение улиц. А дороги? А скважины? Скоро на всем побережье не останется свободных рук.

– Вы не знаете самого главного. – Феликс де Рибас снисходительно улыбнулся, глядя на собеседников. – Он приходил ко мне говорить о создании пароходства. Прямое сообщение с Константинополем. Конечно, на паях состоятельные граждане такое бы потянули. Миллионы поплывут по воде без всякой контрабанды. Я сказал, что все это еще незрело. Что надобно обмозговать. Но, господа, если его сиятельство снизойдет до беседы с греческими и еврейскими купцами, они вцепятся в идею. И мы окажемся в хвосте очереди акционеров. Не знаю, как вы, а я крепко подумаю над приглашением. Боюсь опоздать.

Его слова произвели неприятное впечатление. Открытое пароходство, пусть и с выплатой казне приличного куша, грозило свести коммерческий интерес контрабанды на нет.

– Я напишу отцу, – проронил сквозь зубы Гурьев. – И постараюсь сделать так, чтобы разрешение на эту авантюру не было дано.

– Черт! Но откуда у него такая хватка? – не сдержался де Рибас. – Ведь ничего же не понимает, а чует, где деньги ж.

Кишинев.

– Я убежден, что перстни найдутся, надо только хорошенько поспрашивать у евреев. – Поэт ни в чем не видел препятствий.

– Они, может, свои и не отдадут, – усомнился Алексеев. – Есть скупщики старья и краденых вещей. Вот хотя бы ведьма Полихрони, мать Калипсо.

– Едем к ней! – Пушкин был всякую минуту готов пуститься в предприятие. – Нам нужны печатки, и чтобы гравировка была талмудическими буквами.

Накануне на заседании ложи встал вопрос о приличных всякому секретному сообществу символах. Запонках, брелоках, перстнях и прочей фанаберии. Стоило заказать, но куда таинственнее было выманить у местных раввинов «настоящие» каббалистические печатки с еврейскими надписями. Каждая из них могла таить в себе заклинание, или даже определение судьбы. Решили ехать к пифии – старухе Полихрони, которая, живя на окраине, промышляла сердечной ворожбой и скупкой краденого.

У нее имелась красавица-дочь – причина, по которой ссыльный стихотворец так охотно согласился сопутствовать другу. Пятнадцатилетняя Калипсо делила ласки между ревнивым поэтом и любым другим, смотря по интересу.

– «Когда лековерен и молод я был, младую гречанку я страстно любил», – с усмешкой продекламировал Алексеев. – Сейчас войдем, а там армянин. Кинжал с собой?

Пушкин вспыхнул.

О Калипсо говорили, будто первую страсть она познала в объятьях лорда Байрона, еще живя в Греции, до бегства от турок. Сия вздорная сплетня так воспламенила воображение поэта, что он пожелал наследовать знаменитому певцу «Корсара».

– Я уверен, что Лейлу Байрон писал с нее, – доказывал Александр Сергеевич. – Да и как можно, имея мать-ворожею, не привлечь лорда-разбойника?

У Калипсо был всего один недостаток – огромный клювообразный нос, который природа, точно в насмешку, посадила на премиленьком личике.

– Как ты не боишься, что, целуя, нимфа проклетит тебе в башке дырку?

– Ах ты, бездельник! – Пушкин схватил с земли камень и бросился за Алексеевым.

– Опомнись, несчастный! Я не армянин! – хохотал тот, увертываясь.

Так, смеясь и притворно сердясь друг на друга, они дошли до маленького домика в предместье на болотистом берегу Быка. Стоя у плетеной изгороди, Калипсо снимала с нее сухие горшки. Увидав посетителей, она приветливо замахала рукой и осталась на месте, не спуская с Александра Сергеевича лукавый взгляд черных, густо подведенных глаз.

– Черт, – простонал поэт. – За две недели я оставил здесь более трехсот рублей.

– Скоро тебе нечем будет платить за вдохновение. – Алексеев напустил на себя почтительный вид и чмокнул ручку молодой Полихрони. – Матушка дома?

– Отдыхает, – отозвалась девушка. – У нее с вечера были посетители. Заговаривала неудачи. Совсем умаялась.

– Ты сходи, скажи: по делу, – попросил полковник. – Если сговоримся, заплатим сразу.

Девушка немедленно ушла. Через пару минут из-за низкого, почти соприкасавшегося с землей окна послышался скрипучий старушечий голос. Мать ворчала и не хотела вставать. Но дочь что-то энергично выговаривала ей по-турецки. Видно, посул возымел действие. В дверях мелькнула головка нимфы, гостей пригласили войти.

Глинобитная мазанка не являла внутри ничего примечательного. Простота пополам с нищетой. Деревянный выскобленный ножом стол, изъеденный молью ковер. За перегородкой, где почивала старуха, зашевелился ворох тряпья, и госпожа Полихрони вылезла на свет божий. Она воззрилась на гостей с недовольством и алчным интересом. Узнала Пушкина, кивнула по-свойски и указала на лавку.

– Что надо?

Бедный запас русских слов позволил ей сразу перейти к делу.

– Нам нужны еврейские перстни с печатями, – сказал Алексеев. – За каждый заплатим по три рубля. К тебе приносят старые вещи. Поищи, будь любезна.

Старуха поколебалась, потом, решив, что господа действительно нуждаются в ее услугах, а не хотят с потрохами выдать полиции, Полихрони потащила за свою загородку. Там она долго рылась, ворочала какие-то ящики, открывала и со стуком закрывала крышки. Что-то пересыпала из ладони в ладонь. Наконец скупщица вернулась, неся в подоле десятка два перстней, из которых Алексеев придирчиво выбрал штук двенадцать. Остальные либо не были печатками, либо на них красовались арабские и турецкие буквы. Полковник отверг их, чем вызвал негодование старухи.

– Ты и так получишь с нас вдвое против того, что эти погремушки стоят, – отрезал он, доставая деньги.

При виде ассигнаций ворожея повеселела, загребла бумажки горстью и, радушно кивнув гостям, мол, всегда рада услужить, отправилась к себе.

– Калипсо, дай веревку, – Пушкин нанизал перстни на корабельный жгут, которым разжился у возлюбленной, и повесил себе на шею.

– Ты пойдешь через город с этим боталом? – подтрунил над ним товарищ.

– Я пока никуда не пойду, – ухмыльнулся поэт, бросая на гречанку игривые взгляды. – Нам и в саду хорошо.

– «Когда легковерен и молод я был...» – Алексеев послал парочке воздушный поцелуй.

Одесса.

Бегство Казначеева и Фабра не осталось незамеченным, и генерал де Витт вынужден был нанести наместнику ответный визит. Он увидел великолепный дом, возводимый на утесе над Практической гаванью. В сторону моря дворец открывался белой колоннадой, особенно ярко выделявшейся на фоне зеленого склона. Красивее места, чем северная оконечность Приморского бульвара, в Одессе не было. И тот факт, что именно здесь угнездился Воронцов, почему-то особенно разозлил гостя.

– Сударь, вот и первое недоразумение между нами, – начал он, когда генерал-губернатор радушно приветствовал его и провел в кабинет. – Думаю, мне не надо излагать суть дела?

С точки зрения закона все козыри были на руках у Витта, и ему хотелось посмотреть, что Воронцов предложит в качестве отступного за две пустые полковничьи головы. Наместник пригласил гостя к письменному столу, достал из орехового секретера большой план побережья, где особым образом отмечались участки земли, купленные им в последнее время.

– Прошу.

Дважды повторять не пришлось. Де Витт придирчиво оглядел каждый из заштрихованных красной тушью островков блаженства и указал на Ореанду. Здесь у него был загородный дом, и он хотел округлить свои владения.

– Вы подпишете приказ об увольнении господ Казначеева и Фабра. Я – дарственную. Начальник поселений пожал плечами.

– Вот гербовая бумага, – продолжал Воронцов. – Не стоит затягивать дело. Заверим сегодня же в губернском правлении.

Скорость, с которой совершилось выгодное дело, поразила Витта. Он-то по крайней мере остался в выигрыше. А что получил этот дурак? Впору было смеяться. Но что-то в стремительной и жесткой манере графа заставляло забыть веселье.

Начальник южных поселений уехал. А Воронцов приказал позвать к себе Сашу и Алекса, которые уже несколько дней жили у него в бельведере.

– Ваше сиятельство, вы скрываете нас, как беглых, – смущенно улыбнулся Фабр. – Бесконечно это продолжаться не может.

– Нет. – Граф указал на подписанные Виттом бумаги. – Я вас выкупил.

Кишинев.

– Александр, спишь?

Пушкин был разбужен Алексеевым, с улицы распахнувшим рукой окно.

– Нет, курю! – огрызнулся поэт, поднимаясь на локтях. – Чего тебе?

– Ложу «Овидий» закрывают. Из Петербурга пришло предписание. Я подумал, вдруг будет обыск. Я подумал, ты живешь в доме наместника. У вас не станут шарить. Спрячь у себя тетради заседаний. Там ничего важного. Списки членов, протоколы, сбор взносов...

– Так чего же ты боишься?

– Не знаю. А вдруг? Слушай, в них хорошая бумага. С обратной стороны все листы чистые, можно писать.

Пушкин задумался.

– Давай, – наконец сказал он, протягивая за окно руки и принимая увесистый сверток. – Я в свой чемодан положу. Среди черновиков не отроют.

Успокоенный Алексеев побрел домой. А поэт снова заснул, крайне довольный приобретением. Стопа бумаги стоила 25 рублей. Таких денег у него не было, и он вечно клячил «обороты» в канцелярии.

Тульчин. Бесарабия.

Маневры на юге прошли в октябре. Михаил Семенович, хотя и не служил больше по военному ведомству, был приглашен на них, как генерал-губернатор. Смотр 2-й армии состоялся под Тульчином. Много топота, пыли, трубных гласов и мелькания конских икр. Начальник штаба генерал-майор Киселев получил благодарность, а командир дивизии Серж Волконский – особый отзыв.

– Передайте князю Сергею, – с милостивой улыбкой сказал Александр Павлович, – что командовать дивизией у него получается лучше, чем управлять государством.

Услыхав такое, Серж почувствовал себя голым. Ничто не могло укрыться от лорнетки и близоруких очей императора.

В целом августейший гость остался доволен состоянием войск. Перед самым отъездом приключился забавный случай. Во время обеда в шатре у государя пришло письмо от министра иностранных дел Франции. Он извещал об окончании стрельбы на Пиренеях. Александр пробежал листок глазами, удовлетворенно кивнул и сделал знак своему адъютанту Соломке прочитать послание вслух.

– Господа, доблестные французские войска одержали победу над мятежниками, – сказал тот. – Вот что нам пишут: «Испания и Португалия освобождены. Две революции прекратились одновременно. Два короля вновь возведены на троны. Таков результат войны, которую мой повелитель предпринял в интересах всей Европы. Вам, государь, как вдохновителю Священного Союза, также принадлежит честь этого триумфа!»

– Риегу повесили, – шепотом сообщил сидевший рядом с Михаилом Бенкендорф.

– Какая радость, – презрительно скривился Воронцов. Ему не нравилась идея армейских марш-бросков в поисках конституции. Он не скрывал своего отношения, но и не собирався делать его достоянием гласности. Как назло, именно в этот момент Соломка замолчал, и слова графа прозвучали над затихшим столом особенно отчетливо.

Император сделал вид, что не слышит их. Но в тот же вечер все сколько-нибудь несчастные от отмены испанской конституции называли графа «подлецом и придворным подхалимом».

Между тем снискать благоволение Александра было не так легко. Он уже знал, что в нарушение его приказа не переводить офицеров из поселений на другие должности, Воронцов похитил двух полковников. Донес не Витт, но у императора имелось множество источников. Царь выразил неудовольствие, как всегда изящно. После маневров подписал длинный

список награждений, был необычайно щедр. Пожаловал в полные генералы 24 человека. А наместника Новороссии оставил как есть.

Это было унижением перед лицом целой армии. Михаил служил дольше всех произведенных и уже 12 лет дожидался чина. Оскорбившись, он мог снова подать в отставку, чего и ждали. Однако Воронцов не собирался уходить с новой должности. Он проглотил обиду и уехал в Одессу, метаться в стенах недостроенного дома. Его опять учили, как мальчишку!

– Ваше сиятельство, это наша вина, – Казначеев осмелился заговорить с начальником первым. – Вы должны знать, что мы понимаем...

Граф остановил его жестом.

– Повод и причина – разные вещи. Нет никакой вашей вины. В Петербурге я прилагал усилия, чтобы разыскать вас. Мне трудно работать без людей, которым я доверяю.

Воронцов редко говорил подобные вещи. Оба полковника почувствовали себя представленными на повышение.

– У меня есть для вас две должности, – продолжал наместник, – правитель моей канцелярии и чиновник по особым поручениям. Я придерживал их в надежде, что вы объявитесь.

В первую минуту Казначеев и Фабр не усомнились, кому что предназначено. Бывший заместитель начальника штаба мог принять чернильное царство, а адъютант – носиться по полям и весям с важными заданиями. Но граф их огорошил.

– Я хочу, чтобы Саша остался при мне. А вы, Алекс, имеете вполне самостоятельный и верный взгляд на сущность управления и нужны в разных местах.

Это решение было вызвано печальной склонностью Казначеева, развившейся уже в поселениях. Он клялся и божился, что отныне ни капли. Но Воронцов отрезал:

– Вот на моих глазах и не капли. Возьму под арест и верну Витту.

Пугал.

Белая Церковь.

Лиза узнала о неприятностях мужа не без помощи Раевского. Желая унижить соперника, он положил на стол свежий номер «Санкт-Петербургских ведомостей». Развернув газету, графиня увидела список пожалований. Чин полного генерала получил даже 24-летний Клейнмихель – гроза столичных плац-парадов. Но Михаила среди награжденных не было.

Несколько мгновений молодая женщина молчала. Потом отложила «Ведомости», допила чай и кликнула девку собирать вещи.

– Мать моя, ты что удумала? – возмутилась Александра Васильевна. – Восьмой месяц. Роды на носу...

Лиза молча показала на газету в полной уверенности, что старая графиня поймет. Нет, она рвалась из Белой Церкви не потому, что скучала. Хотя скучала более, чем могла сказать. Ему сейчас плохо, но он никогда не опустится до жалоб. Не позовет ее сам.

Госпожа Браницкая водрузила на нос очки, пробежала столбец с фамилиями счастливых, фыркнула нечто вроде «Злодей!» и позвала доктора Хатчинсона, наблюдавшего за здоровьем графини.

– Ехать? Сейчас? – возмутился англичанин. – Исключено. По голой степи, в ее положении. Малейшая тряска... Жара...

– Довольно разговоров, прыщ британский! – прикрикнула на него старуха. – Михаил Семенович платит тебе не за болтовню. Чтоб довез в целости, и ее, сердечную, и ребенка. Смотри мне! – Браницкая с таким видом оперлась на эбеновую трость, что сразу стало ясно, об чью спину будет сломана палка.

– А как же ее сиятельство Александрина? – заикнулся доктор.

– Сашенька поедет с матерью.

Никаких возражение старуха не потерпела. Она перекрестила дочь, велела непрерывно молиться в деревенской церкви о ее здравии, и, прижав Лизу к необъятной груди, прошептала в самое ухо:

– Не позволяй ему жалеть себя. – Браницкая была рада, что Лиза начала помаленьку понимать мужа. Молчит – не значит все в порядке. Она бы и сама поехала, но Михаилу сейчас нужна *его* семья.

Провожать Лизу к карете вышли все – братья, сестры, свояченицы. Охали, крестили, чмокали в щеки. Раевский на мгновение задержался на подножке кареты, когда остальные уже соскочили, и с тихой ухмылкой бросил:

– Вам кажется, что вы спешите утешать мужа. На самом деле вы бежите от меня.

Глава 5. Белая башня

Царское Село.

Белая башня строилась быстро. Великий князь Николай нашел брата, разговаривавшего с архитектором Демут-Малиновским.

– Вы посылали за мной, сир?

Александр Павлович сделал царевичу знак подождать. За неимением лучшего Никс стал глазеть на четырехгранник, еще не покрытый готической крышей и зиявший стрельчатыми провалами окон с деревянной основой для витражей. Стены-руины и подъездной мост, как в рыцарском замке, дополняли картину. Рабочие устанавливали в нишах статуи крестоносцев.

– Вам нравится, дорогой друг? – с мягкой улыбкой осведомился государь. – Прелестно, не правда ли? Этот новый стиль мне по душе. После страшных гримас революции Европа понемногу возвращается к своему естественному состоянию. Даст Бог, Священный союз преобразует народы в одну христианскую нацию. И этой нацией, этой любящей семьей будут править новые монархи. В Башне я хочу разместить комнаты для вашего сына Александра. Он уже большой мальчик. Ему пора переходить из женских рук под опеку воспитателей.

Никс вздрогнул.

– Я не совсем понимаю ваше величество. Разве Саше плохо с нами?

Император слабо дернул рыжеватой бровью, но все еще продолжал улыбаться.

– Не плохо. Но дамское воспитание...

– Мое воспитание вы никак не назовете дамским, – вспыхнул великий князь.

Александр Павлович обладал ангельским терпением.

– Друг мой, согласитесь, ведь вы не можете уделять сыну должного внимания. Вы заняты службой. Для мальчика только лучше будет переехать в отдельные покои, где гувернеры и преподаватели займутся им надлежащим образом.

Про себя Николай Павлович сказал в ответ очень многое. Но вслух выронил только одно слово:

– Нет.

Государь склонил голову набок, стараясь расслышать. Он был глуховат.

– Позвольте мне самому знать, что лучше для моего сына, – дрожащим от волнения голосом повторил великий князь.

Губы Александра растянулись в прямую, твердую линию.

– Вы забываетесь, ваше высочество. Жизнь вашего ребенка, как и ваша собственная, принадлежит империи.

– Не отрицаю. – Николай имел вид решительный и несчастный. – Но он маленький, мне его жалко.

Братья смотрели друг на друга. И царевич все отчетливее осознал, что государь не понимает. Хуже того, он искренне, до глубины души оскорблен. Его забота отвергнута, воспринята как посягательство. Никсу сделалось неловко, но и согласиться он не мог.

– Ваше величество, – начал великий князь, с трудом подбирая слова. – Разве я хоть раз ослушался вас? Мне было восемнадцать лет, вы велели ехать в Пруссию и жениться. Я так и поступил. Моя супруга каждый год беременна, хотя ее здоровье не позволяет этого. Мы все делаем для укрепления императорского дома. Но я не могу отдать сына. Шарлотта этого не переживет.

Он не знал, как объяснить.

Александр Павлович побелел. Потом махнул рукой: этого упрянца не переспорить.

– Весьма прискорбно, что вы полагаете между мною и собой такой высокий барьер. Право, ведь я вам с Александрой не чужой и хочу как лучше...

Первое, что сделал Николай Павлович после разговора с братом, пошел и пожаловался матушке.

– Вам надо быть осторожнее. – Вдовствующая императрица покачала головой. – Неужели вы не понимаете, что своей неподатливостью можете обидеть его величество. Все мальчишки в возрасте Саши мечтают иметь рыцарский замок.

– Мой сын хочет домик Робинзона на острове. – Никс закусил губу. Он не мог сказать: «Саша иногда боится спать один и прибегает к нам...»

В покоях великокняжеской четы тишиной и не пахло. Дети валялись на ковре посреди комнаты, для верности накрытом еще шкурой тигра, и тянули каждый на себя усатую голову чудовища. Мари обожала брата, Саша снисходил до нее. Разбросанные по полу игрушки представляли странную смесь девчачьего и мальчишеского мирков. Кукольный домик, присланный тетей Аннет из Голландии, соседствовал с россыпью оловянных, хорошо раскрашенных солдат высотой в ладонь. Это была английская коробка – красные мундиры. Неожиданный и очень трогательный подарок Веллингтона. Мари любила стучать кулачками в братний барабан и поднимала оглушительный рев, когда уставшие от шума взрослые отнимали игрушку. Сейчас между детьми была тигриная голова, в подкладке которой они проковыряли дырку и устроили тайник. Что за сокровище на этот раз находилось в черепе зверя и послужило яблоком раздора, Никс не знал. Он поднял сына на руки и строго потребовал:

– Уступи сестре. Она дама.

Мальчик отчаянно замотал головой. Но отец шепнул ему на ухо, что поздно вечером, когда все заснут, они вдвоем спрячут в тигра настоящие патроны, и Саша унялся. Великий князь торопливо поцеловал Александру в щеку, и она тотчас поняла – муж чем-то расстроен. Избегает смотреть в глаза и не гогочет от удовольствия, устроив с детьми возню на ковре.

– Ступайте, – царевна отпустила фрейлин. – Что-то случилось?

– Нет, ничего. – Врать он не умел. Во всяком случае, ей. Его так и распирала обида. – Вообрази, государь предложил поселить Сашу отдельно от нас, с какими-то воспитателями, в Белой башне. Я сказал, что он маленький. Мы почти поссорились. Маман говорит, я не должен раздражать брата, иначе...

Александра подняла руки и попыталась взять у Никса ребенка. Но муж вцепился в мальчика, точно сию секунду должны были явиться его забирать. Так они стояли, каждый со своей стороны, держась за Сашу и друг за друга. Маленькой Мари сделалось обидно, она бросила тигра, подползла и начала карабкаться отцу по ноге. Скосив глаза в зеркало, царевич невольно расхохотался.

– Все будет хорошо, – твердым голосом сказала Шарлотта. – Никто их у нас не отберет. Ты не позволишь.

Она обладала сильным характером. Но почти все время казалась слабой. Даже в ее блеклом лице с остреньким носиком, глубоко посаженными серыми глазами и невидимыми бровями ему чудилась особая красота. Хотя все находили, что великая княгиня не так хороша, как должна была бы быть.

– Я не хочу жить и бояться собственного сына. Чтобы между нами были те отношения, которые разорвали сердце моему отцу и погубили Александра. Это противоестественно.

Шарлотта погладила мужа по руке.

– У нас все как у людей. Кстати, погода разгулялась. Солнце. Пройдись с Сашей до пруда, только не долго.

Маленького царевича укутали. Октябрь – коварный месяц. И, взяв сына за руку, Никс отправился с ним по аллее. Они не пошли к пруду. Великий князь знал маршрут поинтереснее.

– Я хочу показать тебе остров. – Через несколько минут, когда ноги пятилетнего Саши устали, отец посадил его себе на шею. – Это недалеко. Ты не боишься воды?

Мальчик помотал головой. Странно. Сам Никс в его возрасте боялся.

Свернув в одну из боковых аллей, великий князь ускорил шаг и минут через пятнадцать достиг совсем диких мест. Здесь не стригли траву, и она бурой гривой лежала на земле, прибитая недавними дождями. Кажется, здесь? Вроде эта тропинка? Точно. Раздвинув ветки боярышника, Никс спустился к кромке канавы. Неглубоко. Раньше они с Рыжим перебирались на лодке. Теперь ему по колено. Ни мостков, ни доски на другой берег не было, и царевич форсировал канал. Судя по тому, как притих на плечах ребенок, ему все-таки было боязно.

Отец выбрался из воды и ссадил мальчика на траву. Тот сделал два шага и тут же шатнулся обратно к ногам взрослого. На него из-за желтой листвы зиял темным входом старый полуразвалившийся шалаш. Он был давно необитаем. И оттого исполнен угрозы.

– Здесь жил Робинзон? – спросил Саша.

– Два Робинзона, – рассмеялся отец. – Никто из них не хотел быть Пятницей.

Варшава.

Константин Павлович стоял на веранде Бельведера – октябрь в Варшаве теплый месяц – и курил александрийскую сигару. Ему надо было подумать. А думать великий князь не любил. Утром он получил письмо от императора, в котором тот заверял, что все обещания исполнены. Эта загадочная фраза заключала в себе сокровенный смысл. Теперь надо было решать. На одной чаше весов лежал постылый венец, на другой... О, на другой была рука Жаннеты. Выбор казался ясен. И все же, все же... Заставлять его отказываться от прав на наследство жестоко и несправедливо. Он старший за Александром, и никто не может отнять то, что принадлежит ему по закону! С другой стороны, Жансю католичка и не принадлежит ни к одному царствующему дому. Но разве Петр Великий не посадил рядом с собой на трон прачку?

Константин не был Петром Великим. Да и времена другие. Словом, от него требовали отречения. И началось это не вчера.

– Когда кто-нибудь имеет честь управлять таким народом, как наш, он должен быть готов ко всему. – Осенью 1819 года в Варшаве братья прогуливались по парку Брюлевского дворца. Александр был недоволен неуступчивостью сейма, но еще более установившейся в гвардии нарочитой вольностью. – Монарх должен оставаться на своем посту только до тех пор, пока может удерживать в уме всю империю. Я же смертельно устал...

– Вы слишком много времени проводите в дороге, – осторожно отозвался Константин. – Уверен, пара месяцев покоя в Царском восстановят ваши силы.

Государь покачал головой.

– Я говорю не о физической усталости. Хотя и о ней тоже. Нравственное утомление превышает ее во сто крат. Признаюсь тебе: я хочу отречься. Ты должен решить, что будешь делать в сем случае.

Александр Павлович любил говорить о желании оставить трон. И всегда внимательно следил за реакцией собеседника.

– Я попрошу у вас место вашего второго камердинера, – не моргнув глазом, отозвался Константин. – И стану чистить вам сапоги.

Император улыбнулся.

– Когда настанет срок, я вас оповещу, и вы напишете свои мысли матушке.

О чем писать? Разве такой разговор можно почесть серьезным? Константин потер лоб. Как получилось, что снять корону хотел старший брат, а отречься заставляют его?

На веранду вышла Жозефина Фридрихс и обняла великого князя за плечи.

– Ты слишком много куришь. Это вредит легким.

– Ах, оставьте. – Константин взял ее за руку. – Мне надо с вами поговорить. Вы старый друг. Вы дадите мне добрый совет.

Жозефина повела его в сад, усадила на скамейку и позволила положить голову к себе на колени. Это была смуглая быстроглазая дама с веселым личиком. В 1803 году она содержала в Петербурге шляпную мастерскую. Царевич влюбился в смешливую модистку и поселил у себя, сначала в Стрельне, потом в Варшаве. Жозефина родила ему сына Пашу, но никогда не посягала на исключительное внимание Константина.

– Государь пишет, что препятствие со стороны моей бывшей жены устранено. Она готова дать развод. Но, решаясь на брак с полькой-католичкой некоролевских кровей, я должен помнить о законе нашего отца. Подобные союзы запрещены. Дети от них не имеют прав на престол. Император намекает, что я должен отречься.

Последние слова дались великому князю с трудом.

– Но ведь ты никогда не хотел царствовать! – удивилась Жозефина.

– Да, да, – торопливо выдохнул великий князь. – Меня удавят, как батюшку. Я знаю.

– Так за чем дело стало? – ободрила его мадам Фридрихс. – Разве у тебя отнимают пост? Или состояние? Кажется, ты жертвуешь только заботами. А приобретаешь любовь.

– Так-то оно так, – начал Константин.

– Так и только так! – воскликнула собеседница. – Ваш платонический роман с Жаннетой продолжается уже пять лет и всем в Варшаве надоел. Съешьте наконец вишенку! А то девушка устанет ждать и выйдет замуж за другого.

– Никогда! – Великий князь вспыхнул. – Кому я нужен, старый, толстый, лысый! Только ей!

– Ну и еще капельку нам с Пашей, – засмеялась Жозефина.

Царское Село.

Император Александр сидел у себя в Малом кабинете. На стенах три горных пейзажа. В окно направлена зрительная труба, чье блестящее медное тело и полированный деревянный штатив хорошо гармонировали с зеленым сукном столов. Уютно, тихо, безопасно. Как раз так, как и должно быть сегодня, когда он призвал к себе архиепископа Филарета для прощального разговора. Добрый пастырь кое-что увезет в Москву, но об этом никто не должен знать.

На столе перед государем лежали три документа. Каждый из них был по-своему хорош.

За номером первым шло письмо брата Константина из Варшавы. Александр долго выманивал сей невинный текст. Понимал ли великий князь, на что решился? Или думал, что, черкнув несколько строк об отказе от наследственных прав, после смерти старшего брата успеет все переиграть? Александр этого не позволит. Одна бумага не делает погоды, но в сочетании с официальными манифестами перестает звучать по-семейному и приобретает политический смысл. Поэтому к посланию брата император добавил еще два документа, о которых Константин узнает в свое время. Один сделает его счастливым. Второй... отберет счастье у другого человека, навеки лишив свободы.

Губы императора сжались. Так должно быть. Николай выдержит. Четверть века он, Александр, сам несет тягчайшее бремя, и видит Бог, не хотел бы передавать проклятье по наследству. Но нет выбора. Брату придется сломать себя. Груз велик, телега еле ворочает колесами. Нужно впрягать молодую лошадь.

Архиепископ Филарет явился ровно в три. Этот сорокалетний пастырь никогда не опаздывал. У него было умное, пронизательное лицо, светившееся мягкостью. Очень красивый, добрый человек. Император ему доверял.

– Садитесь, ваше высокопреосвященство, – после взаимного поцелуя рук сказал государь. – Взгляните на это.

Филарет присел к столу и взял первый документ. По мере того как он читал, на его лице отражалось удивление. «Не чувствуя в себе ни сил, ни дарований, чтобы взойти на отеческий престол, осмеливаюсь просить Ваше Величество передать мое право тому, кому оно принадлежит после меня». Архиепископ поднял на императора глаза. Тот молча кивнул, жестом остановив возможные вопросы.

Второй документ переключал в руки гостя. Это была копия ответного письма Александра в Варшаву. «Дорогой брат, ценя возвышенные чувства Вашей души, я увидел в добровольном письме Вашем новые доказательства горячей любви к Отечеству. Уважая изъясненные Вами причины, я решился дать Вам полную свободу следовать сделанному выбору».

Наконец третья бумага была передана Филарету, и архиепископ увидел, что это черновик манифеста, в котором император подтверждал отречение от престола цесаревича Константина и назначал своим преемником брата Николая.

– Поправьте и перепишите документ прямо здесь, – приказал Александр. – Никто не должен знать о его существовании. Он будет положен в конверт, который вы отвезете в Москву и поместите в ковчег в алтаре Успенского собора. Будут еще три копии. В Сенате, Синоде и Государственном совете. Но законную силу имеет только ваш экземпляр. Если со мной что-то случится, эту бумагу нужно обнародовать прежде всякого другого действия.

Архиепископ был человеком спокойным и привычным к послушанию. Он переписал манифест четыре раза. Запечатал листки в конверты. Дождался, пока государь сделает на них надписи, уведомлявшие должностных лиц, что в случае его кончины письма следует немедленно вскрыть. А потом спросил:

– Ваше Величество, не кажется ли вам, что это худший способ добиться желаемого? Уже два десятка лет имя цесаревича Константина произносится как имя наследника на каждом молебне. Если вы хотите, чтобы подданные привыкли считать Николая Павловича вашим преемником...

Государь поднял руку.

– Все, что я хочу, я изложил вам. Исполните свой долг. А я исполню свой.

«Движение дел у нас теперь меланхоличное», – писал бывший дежурный генерал Арсений Закревский бывшему начальнику Главного штаба князю Петру Михайловичу Волконскому. Оба доигрались. 1823 год ознаменовался полной сменой высших военных чинов. Змей проглотил Солнце. Граф Аракчеев – армию.

Ропот, поднятый господами офицерами по поводу похода в Италию, до глубины души оскорбил государя. Симпатия к карбонариям и нежелание «воевать за австрийцев» были всеобщими. Отдать войскам *любой приказ* император не мог. Это решило судьбу Главного штаба.

Как-то во время Государственного совета, где Волконский демонстрировал том «Военных законов», специально изданный Закревским для аудиторов, Аракчеев спросил:

– Это те самые дрянные законы, которые не позволяют мне повесить провинившегося прапорщика?

– Да вот законы-с, – отвечал князь.

– Ну, извините, я на медные деньги у дьячка учился! – съязвил Змей.

– А я закончил Пажеский корпус.

Они воззрились друг на друга с такой ненавистью, что всем стало ясно: даже присутствие государя не удержит их от склоки. Одна половина армии – холеная, образованная, проникнутая якобинским духом и гордая победами минувшей войны, – не переносит другую – лапотную, выпестованную в поселениях, приобвыкшую к пощечинам и жадную до должностей.

Выбор остался за императором. Волконский был отправлен на воды в Карлсбад. Закревский получил назначение генерал-губернатором Финляндии и командиром Отдельного Финляндского корпуса. Если это и была ссылка, то почетная. Но Арсений закусил удила. Единственный из всех, он ушел, хлопнув дверью. Напечатал в типографии при Главном штабе «Отчет по управлению армией» и разослал тираж по полкам. До трети потери личного состава от бескормицы, отказ обучать солдат чему-либо, кроме фрунта, выдавливание в отставку офицеров с боевым опытом...

Воспламенив умы, Арсений Андреевич удалился в Финляндию. Откуда попросил отставки. Но получил лишь молчание. Ощущение собственной ненужности придавливало душу. Все были недовольны государем. Государь – всеми.

Неаполь. Италия.

– При чем здесь вы? – Госпожа Закревская кидала вещи в саквояж с таким остервенением, словно за ней гнались. – Я не собираюсь следовать за вами в Англию. Я еду в Россию.

Принц Леопольд Кобургский ей не верил.

– Кто может положиться на твое слово, Венера? Вчера ты устроила мне истерику, будто я хочу тебя бросить. А я всего лишь хочу жениться на английской принцессе. Поверь, не каждый день делаются такие предложения.

Аграфена фыркнула, выражая презрение к Англии, тамошним девицам, тайной дипломатии и продажным немецким принцам.

– Я не еду за тобой. Я еду в Россию, – повторила она.

– А почему же ты сегодня на балу упала в обморок, когда я объявил о своем решении?

Груша одарила любовника одним из тех взглядов, которым женщины говорят: вы слишком высокого о себе мнения.

– Я получила письмо из Петербурга и читала его в тот самый момент, когда вы осчастливили публику заявлением о своей помолвке.

– Вы не получали никакого письма. Вы все выдумали! Вы собираетесь преследовать меня! Аграфена, умоляю, ради всего святого...

– Да кому вы нужны?! – Закревская взвилась. – Вот письмо. Тут сказано, что моего мужа сняли с должности и сослали в Финляндию. Я минуты здесь больше не останусь.

Леопольд продолжал ей не верить. Это был красивый мужчина чуть за тридцать, брат первой жены цесаревича Константина. Их роман с Аграфеной продолжался полтора года, и принц питал убеждение, что ревнивая Венера намерена его погубить.

– Ваш муж? Не смешите меня! За время нашего знакомства вы ни разу о нем не вспомнили!

– Откуда вам знать, о чем я вспоминала?! – бросила Груша. – Мой муж – честнейший человек. Вы даже не знаете, что это за человек! Это прекрасный человек! Не чета вам.

– Да уж, конечно! – съязвил Леопольд. – Вы явились ко мне голодная, как из монастыря. Что-то он не особенно вас баловал.

– Удовольствия, которыми вы хвастаетесь, может доставить любой конюх! – парировала Закревская. – Посмотрите на себя. Вас покупают. Вы продаетесь. Нам не о чем говорить.

Не собираясь больше сносить ее оскорбления, принц Кобургский поднялся.

– В таком случае я желаю вам доброго пути. – И уже у двери, обернувшись, переспросил: – Вы действительно едете в Россию?

Финляндия.

Погода в Або не хуже, чем в Петербурге. Снять дачу в предместье все равно, что на Каменном острове. Арсений Андреевич уверял себя в преимуществах тихой жизни. Он привез в Финляндию дочь, которая была слишком мала, чтобы понимать, какво сейчас отцу.

Девочка легко привыкла жить без матери, потому что ветреная супруга генерала редко уделяла ребенку внимание. Ее исчезновение потрясло кого угодно, только не Лидочку.

Сам Арсений носил в сердце занозу. Один раз судьба одарила его по-летнему щедро. Почему он не скончался вскоре после свадьбы? В пылу взаимных упреков генерал бросил Аграфене:

– Незачем было выходить замуж!

– Когда вы звали меня под венец, то собирались оставить вдовой, – отрезала она.

– Прости, что не умер.

Действительно, его жизнь тянулась, не нужная теперь никому. И особенно тяжело было сознавать, что тянулась благодаря Груше. Она возила его на воды. Нашла лучших врачей. Не позволяла переутомляться за бумагами. Им было хорошо вместе. Проклятая семеновская история!

Вечером в субботу генерал Закревский возвращался из города на дачу и велел кучеру ехать нешибко, наблюдая, как солнце садится в туман над заливным лугом. Вдруг из-за поворота показалась дорожная карета, которую влекла четверка сильных немецких лошадей. Она двигалась в том же направлении, но с большей скоростью. Расстояние сокращалось. Разъехаться на узком проселке было невозможно. Уступать генерал-губернатор не собирался. Раздраженный жизненными неудачами, он стал спесив.

– Ваше высокопревосходительство, сшибут нас! – обернулся к нему кучер.

– Я им покажу, сшибут. Тоже моду взяли...

В этот момент карета, по приказу седока, затормозила. С запяток спрыгнул лакей, не по-здешнему загорелый, и поспешил к коляске.

– Ваша милость, – обратился он к Закревскому, низко кланяясь. – Не прогневайтесь. Путешествующая знатная дама просит вас подойти.

Арсений крикнул. На черта ему дама? Но все же тряхнул воспитанием и отправился за слугой. Парень растворил перед генерал-губернатором дверцу. В полутемной глубине кто-то зашуршал атласом, и знакомый голос произнес:

– Не могу ли я попросить ночлега на той ферме, которая виднеется за лугом?

Глава 6. Бес арапский

Одесса.

Весть о приезде графини застала Михаила Семеновича врасплох. Около восьми часов утра он диктовал секретарю запрос в Министерство финансов о торговом обороте Одесского порта за год. По подсчетам, проведенным его служащими на месте, таковой составлял девять миллионов рублей. Наместнику было любопытно, какую сумму подали наверх. Зная ее, вчерне можно было судить о размере хищений.

Разбор дел на время усыплял самолюбие Воронцова. Но стоило какой-нибудь бумажке благополучно перебраться с его стола на секретарский, как граф снова вспоминал свое положение. Недовольство государя ни для кого не секрет. Карьера буксует, как тележное колесо в грязи. Полными генералами стали списочные сопляки, герои вахтпарадов! А его опять отхлестали по щекам!

– На чем встали?

Канцелярист хотел прочесть последнюю фразу, но в этот момент дверь кабинета открылась и в щели мелькнуло удивленное лицо Казначеева.

– Ваше высокопревосходительство, из дома сообщили. Госпожа графиня приехала вместе с дочерью. Ждут вас.

Михаил подскочил как ужаленный. Когда? Почему без предупреждения? Что-то случилось? Ни на один вопрос Саша не знал ответа. Он смотрел на начальника и глупо улыбался, полагая, что весть радостная. Сам Воронцов похолодел. Хорошо, если Лиза в порядке. Но что заставило ее пуститься в путь? В теперешнем состоянии? Граф вообразил худшее. Они опять потеряли ребенка. И жена не смогла остаться в Белой Церкви, где все напоминает о горе.

Канцелярия генерал-губернатора располагалась в доме Потоцкого, нанятом для казенных нужд. До собственного особняка – двухэтажного каменного здания во дворе строящегося дворца – было два шага пешком. Но наместники по улицам не бродят. Едва сдерживая нетерпение, Михаил доехал в коляске. Путь же по двору проделал галопом. Мимо изумленных слуг, разгружаемых тюков, сундуков и корзинок, которые вереницей носили на второй этаж. Двери зала были распахнуты. Еще утром пустой, он заполнялся вещами, так что ногу негде было втиснуть.

– Лиза!

Графиня с Александриной на руках стояла посреди этого царства неразберихи и отдавала распоряжения. На голос мужа она обернулась и просияла. Ее большой, выпирающий живот не могло скрыть даже свободное платье. У Михаила отлегло от сердца.

– Ты очень рисковала, – выдохнул он наконец, продравшись к ней через брустверы коробов и свертков.

– Я соскучилась.

Воронцов притянул жену к себе.

– У меня тут... Полный беспорядок... Ничего не готово.... И еще всякие обстоятельства...

Лиза коснулась губами его щеки.

– Мне кажется, тебе будет полезно на время забыть об обстоятельствах и поволноваться за меня.

Петербург.

К Талону не принято было ездить гурьбой. Всякий приходил сам себе господин и, лишь вступив под благословенную сень ресторации, соединялся с товарищами. Арзамасцы

любили это местечко, впрочем, как и кавалергарды, а вот гусаров и улан принимали заведения на другой стороне Невского. Часов около шести, в пятницу, здесь сошелся за портером, лимбургским сыром и страсбургским пирогом «опекунский совет» бессарабского изгнанника. Ибо всякому ясно, что сами о себе поэты не заботятся. Не ведают, что творят.

– Говорили ли вы перед отъездом графу Воронцову о Пушкине? – спросил, протирая очки, князь Вяземский. – Я сам, ей-богу, не осмелился. Вы знаете его короче.

– Конечно, говорил. Я не отличаюсь вашей застенчивостью. – Александр Тургенев, брат Николая, придвинул к себе тарелку с трюфелями. Он мало походил на брата-ипохондрика. Полноватый, кудрявый, с добродушным лицом и толстыми губами эпикурейца. Друзья в ужасе воззрились на сотрапезника. Изысканные блюда французской кухни заставляли его желудок исполнять трели золотой арфы.

– Вот как дело было. Я спросил Нессельроде, у кого Пушкин теперь должен служить, у Воронцова или у Инзова? Нессельроде утвердил графа и сам сказал ему об этом. А потом уж и я истолковал Воронцову положение вещей. Каков Пушкин и что нужно для его спасения. Наместник обещал употребить Сверчка для какого-нибудь дела и дать его таланту досуг. Все пойдет на лад. Меценат, море, исторические воспоминания. За дарованием дело не станет. Лишь бы не захлебнулся.

Вяземский удовлетворенно кивнул.

– Давно пора кому-нибудь из сильных мира сего взять беса арапского под крыло. Сверчок писал мне, что хочет остепениться. Ему скучно в Кишиневе. А досада – плохой советчик. Того и гляди, настроит что-нибудь язвительное. Беда!

– Вы полагаете, в Одессе он будет вести себя тише? – с сомнением проговорил Жуковский, склонив голову к плечу и ласково глядя на собеседников. – Живя здесь, он по утрам рассказывал мне, где всю ночь *не спал*. Целый день делал визиты к б... недостойным женщинам, а вечером играл в банк. Боюсь, офицеры генерала Инзова его только испортили.

– Сверчка не худо бы года на три запереть в Геттингенский университет и кормить молочным супом, вместо шампанского, – кивнул Тургенев. – Талант тоже можно промотать. Сидит в глухой дыре, а об его выходах спорят обе столицы!

– Не могу не согласиться, – вздохнул Вяземский. – Хотя все это очень умно.

– Что? – почти хором спросили собеседники, не угадывая ход его мыслей.

– Да поведение нашего Байрона. Будь я его антрепренером, лучшего бы не придумал. Пушкин так умеет обставить свои выкрутасы, что о них говорят во всех гостиных. От него вечно ждут эдакого. Чтоб уши покраснели, а сердце замирало. Половиной известности он обязан скандалам. А поэзия заставляет всех с симпатией брать его сторону в любом споре.

Оба сотрапезника молча смотрели на Вяземского, на их лицах читалось осуждение.

– Вот-вот. Вы на себя, господа, поглядите. Зеркало напротив! – сухо рассмеялся князь. – Мы, друзья, не можем уберечь нравственность Пушкина и предлагаем человеку, который Сверчка в глаза не видел, заняться его воспитанием. Ей-богу, если бы Воронцов знал, какую свинью вы ему подложили, сбежал бы из Одессы!

Одесса.

Михаил Семенович принял Пушкина ласково. Еще летом разбойник выпросил у Инзова разрешение отбыть в Одессу. Де-здоровье и застарелый аневризм требуют морских ванн. Генерал пустил пташку на волю. Из глубины азиатских степей Сверчок явился в Европу, отогрелся на солнце и застрекотал на все лады. Ресторации и итальянская опера заметно взбодрили поэта. Между тем колесо судьбы крутилось без всяких усилий с его стороны. Новый наместник, узнав, что ссыльный очень кстати сам заявился куда его не звали, не выказал ни малейшего неудовольствия и пригласил Александра Сергеевича к себе.

Прибыв в губернаторскую канцелярию около 12-ти, поэт застал хозяина Новороссии за столом, припорошенным бумагами. Двое секретарей, стоя с обеих сторон, попеременно подкладывали наместнику то один то другой документ. Воронцов быстро пробежал текст глазами и либо отодвигал в сторону, либо подписывал, если не имел никаких вопросов. Заметив посетителя, он немедленно отложил перо, не выдерживая положенной начальственной паузы. Этот жест объяснялся не особым вниманием к Пушкину, а желанием поскорее покончить с ним, освободившись для других дел. Граф указал поэту на стул.

– Вы имеете предписание от вашего начальника министра иностранных дел Нессельроде перейти в мое подчинение. Новым местом вашего жительства определена Одесса. Я вижу, вы здесь освоились? – Воронцов улыбнулся. При этом дрогнули только его губы. Остальное лицо не изменилось. Утомленное и замкнутое, оно не позволяло сказать, как граф на самом деле относится к переводу ссыльного. – Со мной говорил о вас Александр Тургенев. Я знаю его с самой лучшей стороны.

Пушкин поклонился. Михаилу Семеновичу показалось, что он уже где-то видел этого человека, и воспоминание не было приятным. Длинный черный фрак, галстук, затянутый так, что из-под него не заметен ворот рубашки. Да полно, есть ли она там? Малый явно нуждается. Предложить ему заработок?

– Ваше жалование определено в семьсот рублей. Вы приписаны состоять при моей канцелярии. Меня просили дать вам свободный досуг, и я не стану посягать на ваше время. Если соскучитесь без дела, милости прошу. Работы горы. Об оплате...

Александр Сергеевич поспешно покачал головой.

– Мое жалование из министерства я воспринимаю не иначе как паек ссыльного. Оно едва покрывает расходы и присылается крайне неаккуратно. Поэтому я считаю себя свободным в выборе занятий. Скажу вам, как светский человек светскому человеку...

Воронцов еле скрыл улыбку. Молоденький коллежский секретарь пытался держаться с ним на равных. Это было забавно. Не оскорбительно, а забавно. Ведь никакого равенства между ними быть не могло. «Прав Бенкендорф, это послевоенное поколение не имеет ни малейших понятий о субординации».

– Как светский человек светскому человеку, – продолжал Пушкин, – что я литератор и живу главным образом, публикуя свои стихи в журналах.

«Тоже пошла мода брать деньги за рифмы! – в душе возмутился граф. – Скоро на домашние спектакли билеты начнут продавать!»

– По этой причине я должен много работать пером. И не могу тратить время на составление деловых бумаг.

– Воля ваша. – Наместник развел руками. – Хотя, знаете, и Ломоносов, и Державин были государственными людьми и не стыдились заниматься службой. Впрочем, как вам будет угодно.

Таким ответом Пушкин был удовлетворен.

– У меня богатая библиотека, – продолжал граф. – Человек пишущий, без сомнения, должен продолжать самообразование. Можете ею пользоваться.

– Благодарю, – просиял поэт.

– Кроме того, как генерал-губернатор я держу открытый стол для своих чиновников и милости прошу на обед, когда у вас случится желание.

Пушкин боднул головой, выражая не то согласие, не то замешательство. В приглашении ссыльного к столу было много барства. К тому же, упоминая «своих чиновников», граф сразу указывал поэту его место. А ведь тот пришел к наместнику, как дворянин к дворянину.

Встав из-за стола, Воронцов протянул гостю руку для прощания. Но это не было открытое братское рукопожатие. Пальцы наместника скользнули по ладони поэта, как бы стряхи-

вая ее. Александр Сергеевич напоследок обвел глазами кабинет и остановил их на пачке гербовых листов. Граф поймал взгляд гостя.

– Вам нужна бумага? – В его голосе послышалось понимание, которое задело Пушкина. Он не нищий! И не ищет покровителей!

– Нет! – вспыхнул посетитель. – С чего вы взяли?

Они расстались, еще раз обменявшись заверениями во взаимном почтении. И граф тут же забыл о Пушкине, потому что, и правда, не собирался заниматься его воспитанием. А Александр Сергеевич вышел на улицу и в задумчивости двинулся по Приморскому бульвару в сторону мола. Новая печаль сжимала его грудь. Ему стало жаль покинутых цепей. Грязного, крикливого Кишинева, соломенных крыш, чумазных венер, доброго старика Инзова. Будет ли новый начальник так снисходителен к нему? Граф говорил очень любезно. Но в его манерах не было и тени сердечного участия.

– Александр Сергеевич! – Пушкин обернулся. Его нагонял давний знакомый Вигель. – Какая встреча! Не думал, что застану вас в Одессе.

– Меня перевели под начало к наместнику, – нехотя проронил Пушкин. – Да вот что-то тоскливо на душе. Все бы хорошо. А не верится. Говорил сейчас с ним. Он ласков. Но в упор меня не видит.

Вигель состроил хитрые глаза и, понизив голос, сообщил:

– Он сейчас никого не видит. К нему жена приехала. – И, вильнув бедрами, сделал эротичный жест, долженствующий обозначать самую суть семейных обязанностей.

Пушкин заразительно засмеялся, обнажив ряд белоснежных зубов. Вигелю всегда удавалось развеселить его. Они знали друг друга еще по «Арзамасу». После достопамятной поездки в Мобеж карьера Филиппа Филипповича застопорилась. Сперва он числился в Москве по архиву Иностранных дел. Там тоже не ужился и был сбит с рук в Новороссию. Воронцов принял его, ничего не зная о прежних подвигах. Опытные чиновники всегда нужны.

– Где вы теперь остановились? – спросил Филипп Филиппович. – Время к обеду. Не пора ли найти приятное местечко?

– Охотно, – отвечал Пушкин. – Но я, право, неудобно чувствую себя во фраке. Специально надел для визита. Куда как лучше мои кишиневские архалук и феска! Вы помните меня в феске? Не правда ли, я похож на турка?

Приятель дошли до пересечения Ришельевской и Дерибасовской улиц, куда углом выходил отель барона Рено. Тут выяснилось, что Вигель квартирует буквально стена о стену с Пушкиным.

– Это надо отметить! – восхитился поэт. – Вон мой балкон. Выходит прямо на угол. Я любопытен, обожаю смотреть туда-сюда. Слева море! Справа театр! Но обедать мы будем не здесь. Идемте к Отону на Дерибасовскую.

Переодевшись и взяв в руки неизменную палку, чей железный блеск пугал прохожих, Пушкин пустился с товарищем вниз по улице и вскоре увлек его в маленькую ресторацию, где, судя по запаху, подавали устриц.

– Тс-с-с! – Поэт приложил палец к губам. – Прямо из Константинополя. Доставляют в шаландах через море. Свежее не найти в Петербурге! А стоят вчетверо дешевле.

– Одесса – приятнейший для жизни город, – согласился с ним Вигель. – А что это у вас за перстень? Я прежде не видел.

Пушкин мгновенно спрятал руку за спину. На его пальце красовалась массивная печатка с витиеватой надписью на иврите.

– Память об одном братстве, которое ныне под таким же запретом, что и я сам. Кстати, знаете, масоны, как и вы, привержены вежливому греху, из-за которого погиб Содом.

Вигель не смутился.

– Я на днях еду в Кишинев по поручению графа. Застряну надолго. Кого мне там искать?

– Братьев Полторацких, – отозвался Пушкин. – Старший глуп, как архиерейский жезл. А меньшой вполне годен к употреблению. Предоставляю их вашей опытности.

Собеседники выбрали стол у окна. Со стороны они представляли любопытную пару. Живой молодой человек, хрупкий, как тростинка, и наряженный, как ярмарочный зазывала. И пухлый, лысеющий господин за тридцать, с респектабельным брюшком солидного чиновника, на котором поблескивала золотая цепочка от часов. Расторопный француз-официант замелькал перед ними, переключаясь с французом-поваром и передавая приветы гостей хозяйину-французу.

– Европа! – протянул Пушкин, с наслаждением наблюдая, как перед ними расстилают чистую льняную скатерть. – Там итальянцы. Там греки. Там немцы. Как я от этого отвык! В Кишиневе явится какая-нибудь замурзанная цыганка, кинет на стол ком мамалыги и ну кромсать его ножом. Если вы брезгливы, лучше не совать нос на кухню и не смотреть, как готовят бессарабские кулинары.

– Кому, кроме Инзова, передать приветы? – спросил Вигель.

– Да всем, кого встретите, – отозвался поэт. – Меня там каждая собака знает. Целуйте ручки госпоже Майгин. Пульхерии Варфоломей объявите за тайну, что я в нее влюблен. Кланяйтесь Алексееву. Скажите, бумаги на месте. Где и что Липранди? Мне брюхом хочется его видеть!

Вигель обещал всех разыскать. Вдруг он пристально уставился в окно, перестав слушать собеседника.

– Вот она.

– Кто? – не понял поэт, но, проследив за взглядом приятеля, увидел щегольской экипаж, остановившийся на другой стороне улицы у витрины модной лавки.

– Супруга нашего Артаксеркса. Эсфирь. Новая хозяйка Одессы.

В экипаже сидела молодая дама, чье лицо было затенено соломенной шляпкой с палевыми розами. Разглядеть ее поэту не удалось.

– Хороша?

– Очаровательна. – Вигаль пожевал губами. – Кокетка, как все. Вчера из деревни и тут же по галантерейным магазинам. – В его глазах зажглись лукавые огоньки. – Вы, я вижу, как охотничья собака, сделали стойку? Жена начальника – законная добыча подчиненного?

– Меня перевели из Петербурга в восемьсот девятнадцатом...

Генерал Киселев прибыл в Одессу в самом плачевном состоянии. Его можно было намазывать на хлеб, а можно хлебать ложками. Начальника штаба 2-й армии привез командир корпуса Сабанеев и сдал Воронцову едва ли не под расписку.

– Михаил, умоляю, проследи за ним. Может и пулю в лоб пустить. Дрянное дело.

Дело действительно было дрянь. Однако бывший флигель-адъютант государя обладал большей твердостью духа, чем ему приписывал сердобольный старик. Это был красивый, очень обходительный военный администратор, чуть младше Воронцова. Его манеры выдавали придворного. Но острый ум, заметный в разговоре, и волевой взгляд не позволили наместнику прописать гостя по ведомству шаркунов из приемных.

– Он ухлопал на дуэли своего подчиненного, – по секрету сообщил Сабанеев. – А отвертеться было нельзя. Всему заводила полковник Пестель. Ну да он тебе сам расскажет.

Воронцов вовсе не жаждал откровений из полевого быта 2-й армии. Но если Иван Васильевич просил поиграть в няньку, граф не мог отказать.

– Я был новый человек. Прислан из Петербурга. Меня побаивались...

Михаил Семенович навещал гостя. И по мере того как оба проникались взаимным доверием, суждения генерала становились все откровеннее.

– Командующий армией генерал Витгенштейн хотел видеть на этом месте кого-нибудь из своих. Я тоже держался настороже. Сначала мне казалось, что на мою должность метит Сабанеев. Он был начальником штаба всей армии во время заграничного похода. Я видел в нем врага и ждал каверз. Признаюсь, мое впечатление исподволь подогревал майор Пестель, адъютант Витгенштейна. Он всем заправлял в штабе до моего приезда. Но по чинам я не считал его опасным. На первых порах я не мог пренебречь опытом Пестеля. Потом заметил в нем недюжинный ум. Изогранный и какой-то мрачный.

Михаил вспомнил, что когда-то то же самое говорил ему Бенкендорф.

– В двадцатом году из Петербурга поступило предписание создать внутреннюю полицию, – продолжал гость. – Мы вместе работали над составлением устава и циркуляров, и я имел случай убедиться, что передо мной в полном смысле слова государственный человек. Досада охватывала от того, что подобные дарования отринуты свыше. Но иной раз брал страх, ибо никаких нравственных оснований под ними не было. Он, например, мог сказать, что не видит большой беды переселять народы. Помнится, я ответил, что администрация не может организовать транспортировку больших масс людей без потерь. «Что в них? – удивился Пестель. – Лишь бы место очистили».

Киселев глубоко затынулся. Он курил голландские сигары. Михаил считал это мерзкой привычкой, но сейчас терпел, понимая, что табак – успокаивающее, а генерал страдает расстройством нервов.

– Я забираю власть в штабе в свои руки, и мне становилось с Пестелем тесно. Я пять раз посылал государю просьбу произвести его в полковники. Наконец император внял, Пестель получил Вятский пехотный полк и уехал из Тульчина. Я вздохнул свободнее. Но он, видимо, догадался, что я просто хотел от него избавиться. Да и по каким-то причинам ему было удобнее тереться в штабе. Без него вскрылись недостатки казенных денег, всплыли бумаги, которые мне уже давно надлежало знать, да они не доходили до моих рук. Я обсчитал бюджет заново. Оказалось, что за прошлый год неизвестно куда утекли миллион шестьсот тысяч рублей. Сначала я заподозрил дивизионных командиров и хорошенько прошерстил голубчиков. На каждом что-то было. Но все это мелочи по сравнению с грандиозной суммой, растаившей, как дым. Сперва мне было любопытно, куда можно девать такие деньжищи? Потом сделалось страшно, на что они употреблены? Как только я над этим задумался, случилась моя несчастная дуэль.

Киселев взял новую сигару, помял ее в пальцах, но, заметив, что гость морщится, отложил.

– У этого Пестеля есть сторонники? – спросил Воронцов. – Ну, многие были недовольны его уходом из штаба?

– Вообще он замкнут. Друзей почти нет. Но у него поразительное умение влиять на людей. Серж Волконский и старшие по чинам, и известней, а слушается, как ребенок. Из молодых офицеров тоже. Бестужев-Рюмин, Муравьев-Апостол.

В комнату вошла жена Киселева Софи со стаканом валериановой настойки.

– Поль, не надо. Ты устал сегодня, – попросила она. – Уже поздно...

– Нет, – генерал отстранил ее руку. – Мне нужно закончить. Люди, о которых я говорю, приезжают в Одессу, встречаются здесь с кем-то, обделывают дела. Полтора миллиона, стоившие мне душевного равновесия, могут лежать здесь в одном из иностранных торговых домов и ждать своего часа.

Воронцов слушал внимательно. Он давно понял, что начальник штаба не просто так пустился в откровения.

– С Мордвиновым вот как вышло. – Генерал сделал над собой усилие и продолжал. – Этот несчастный был из тех, кого я снял с командования бригадой за растраты. Он утверждал, что невиновен. И кончил вызовом. Отказаться я не мог, хотя стреляться с подчинен-

ным – нарушение субординации. Но я знал, что его выставила целая группа «обиженных». Ни у кого другого смелости не хватило. А этот, черт его знает, может, я и правда ошибся? Во всяком случае, он был глуповат и не мог дать внятных объяснений, куда девались деньги. Словом, я принял решение стреляться.

Софи, не покинувшая комнату, заткнула уши. Дуэль произошла в ее именины. Полон дом гостей. Муж сказал, что уедет часа на два по делам службы, потом вернется. Протанцевал с ней мазурку...

– Мы встретились в местечке Ладыжине, в сорока верстах от Тульчина. Мордвинов ждал меня в парадной форме и оскорбился, что я приехал в сюртуке. Условия, выставленные им, были варварские. Восемь шагов. Число выстрелов неограниченное. Пистолеты кухонно-рейтеровские, очень тяжелые. Он несколько раз повторил, что ранение его не удовлетворит. Непременно один из нас должен остаться на земле. Стреляли по команде. Он метил в голову, пуля прошла у меня возле виска. Я целил в ноги, попал в живот.

Киселев закрыл лицо руками.

– Я знал, что от выстрела пистолет подбросит. И все равно целился так. Я хладнокровно убил его. Понимаете? Я чувствовал, что убью, но спустил курок. Я хотел показать им, что не боюсь. Что со мной не надо шутить.

Софи положила мужу руку на плечо.

– Скажите ему, Михаил Семенович, зачем он себя мучит? Этот человек тоже желал его смерти.

Но Воронцов молчал.

– Он думал, что просто ранен, – продолжал Киселев. – Я и мой секундант Бурцев довели его до ближайшей корчмы. Он жил еще несколько часов, в полном сознании, а я все это время сидел рядом и держал его за руку... – Генерал не справился с голосом, было видно, что его бьет озноб. – Он рассказал мне, что Пестель требовал от него стреляться. Но и это еще не все.

Воронцов поднял брови. Чего же больше?

– У меня в столе лежит донос. Список членов их общества, – тусклым, как пепел, голосом сообщил Павел Дмитриевич.

Граф вздрогнул.

– Вы не доложили императору?

– Зачем? Судьба Бенкендорфа и Васильчикова кое-чему учит. Я не могу предсказать реакцию государя. Может статься, он вытрясет из армии последних боевых офицеров. А война на пороге. Ах, я только на нее и надеюсь!

Михаил его отлично понял. Как ни дико желать войны, но она одна способна была отвлечь на себя массу горючего материала. Тысячи буйных голов, сегодня готовых ринуться в заговор, устремились бы за крестами, подвигами, чинами. А там, глядишь, и остепенятся... Но государь медлил.

Тирасполь. Штаб-квартира 1-го корпуса 2-й армии.

Крикун Сабанеев никогда не пропускал воскресной службы. На 56-м году от рождения ты или неисправимый атеист, или уже все понял. К первому пороку Иван Васильевич не был склонен даже в молодые годы, когда учился в Московском университете. Глубину же упования на Бога обрел в первом бою, под Мачином. Мать честная, вот было дело! Теперь генерал смотрел вокруг себя с усталым спокойствием. Ни чума, ни турки, ни французы не могли его удивить. Изумляло лишь стремление людей все время буянить. Спасу нет, до чего беспокойный народ!

Сам Иван Васильевич уже отвоевался и откуражился. Хотел тишины. Милого хуторка в теплом краю. Дома – полной чаши. Хозяйства. И хозяйки. Денег на усадьбу хватало. Что же

до жены, то первая супруга скончалась накануне нашествия Бонапарта. Новой он не завел. А возраст не позволял надеяться ни на что путное. Грустно человеку в одиночку встречать старость.

Впрочем, седина в бороду, бес в ребро. Вот уже третий месяц, стоя у обедни, Сабанеев, вместо того чтобы молиться, таращился в спину жене полкового фельдшера. Ух, и была же это спина! Полная, широкая, с округлыми выпуклостями там, где руки врастают в тело, с круто изогнутой, точно лебяжья шея, поясницей... Пульхерия Яковлевна – так звали небесное создание – воспитывала тучу детей и привечала в доме полковых сирот, для которых сам Иван Васильевич устроил школу.

Занозой всему был ее муж, под пьяную руку бивавший бабу. А коль скоро спирт у полкового фельдшера – первое лекарство, то бесстыжие zenки этого прохвоста всегда оказывались залиты. Маленький, тщедушный, он мог переломиться, стоило супруге опустить ему на хребет свою белую, тяжелую, как крыло усталой птицы, руку. Однако из робости Пульхерия Яковлевна защитить себя не могла. И это ее горестное положение вызывало у генерала особую жалость.

Школа, которую организовал Сабанеев, сблизил их. Фельдшерша привела туда своих оборотов. И стала каждый день носить в большущем узле пироги для всей голодной братии. Вздыхала, гладила детишек по головам, иной раз машинально наводила порядок – то смахнет пыль с доски, то поправит скатерть. Не нарочно, по привычке. Кого-то высморкает, кого-то причешет. И пойдет прочь по улице, колыхая боками под блестящим на солнце, застиранным сатином.

Далеко не с первого раза генерал осмелился заговорить с ней. Так, если встречал, кивал, мол, здравствуй, Пульхерия. А она кланялась, совсем по-деревенски. Будто он барин. Дел в дивизии прорва. В школу не наездишься. Но, приметив, что жена фельдшера забредает туда ближе к обеду, Иван Васильевич зачастил глянуть на подопечных. Как-то раз удостоился пирожка. Угостила его женщина так простодушно, что грех было отказываться.

– А отменно вы стряпаете, мадам, – сказал генерал.

Пульхерия Яковлевна залилась румянцем удовольствия.

– Да что ж, дело нехитрое. Сиротам нравится.

Тут Иван Васильевич подумал, что и он в каком-то смысле сирота, и, наверное, потому ему по вкусу домашняя еда. В первый раз они больше друг с другом слова не молвили. Но потом как-то освоились. Стали пускаться в разговоры.

– Вы откуда, позвольте полюбопытствовать, родом?

– С-под Ярославля мы. Мещанина Загосина дочь. Батюшка мой веревки плел.

– А мой батюшка, видать, этими веревками все перевязывал. Я ведь тоже ярославский уроженец.

Ну, тут, конечно, земляки весьма обрадовались обретенному знакомству. И принялись обходиться друг с другом попроще. Как-то Сабанеев заметил на скуле женщины ссадину. Пульхерия соврала, будто неловко опустила коромысло. Она не умела жаловаться. Но когда в следующий раз пришла с синяком на подбородке, генерал вызвал к себе фельдшера – небывалая честь – и устроил ему разнос.

– У тебя шестеро детей! Пьяная скотина! А ты при них бьешь мать. Если я еще раз увижу... только услышу, что ты посмел... пальцем тронуть жену! Я тебя прогоню с места без содержания.

Сабанеев едва совладал с собой. И чего людям не живется? При такой крале! При славных ребятишках! Более всего ему хотелось придушить засранца. Тот стоял, ухмылялся и очевидным образом не понимал, чего от него добиваются. Моя жена – хочу, с кашей ем!

Генерал все меньше и меньше хотел отпускать Пульхерию Яковлевну из школы домой. Тем более что она как-то обмолвилась:

– Так бы и осталась здесь. Я бы эту халупку прибрала, печку выбелила. Хорошо тут, как за каменной стеной. А у меня? Одно и то же. Где была? Где гуляла? Будто я гуляю.

Дело решилось само собой. Вечером в воскресенье, когда Иван Васильевич сидел у себя на квартире и дул чай с ромом, мимо окон по улице опрометью в сторону Днестра пронеслась Пульхерия, вереща благим матом. За ней гнался фельдшер с обухом в руках. Допился черт до белой горячки! Генерал вылетел во двор в одной рубашке. Даже форменный сюртук забыл накинуть. Сбил злодея с ног, отобрал «оружие» и только потом кликнул караульных.

– Под арест его. Суток на трое. Не хватало нам еще смертоубийства в корпусе!

Распоряжался, а сам думал о другом. Пульхерию Яковлевну он нашел на берегу реки. Она схоронилась в ивовых плавнях, залегла, как заяц, за пенек, ни жива ни мертва. Генерал извлек ее на свет божий, ободрял, утешал, а уж там, как водится, и обнимал. Наконец увел к себе. Там они поладили без всяких объяснений, словно давно знали, что так тому и быть. Утром Пульхерия Яковлевна засобиралась домой. Но Иван Васильевич удержал ее.

– Незачем тебе туда идти. Я за детьми. Здесь будете жить.

Фельдшерша ахнула. Мало ей позора на одну ночь, так теперь совсем в открытую слыви пропащей.

– Я на тебе женюсь, – собравшись с духом, заявил генерал. – Сегодня же выгоню твоего мужа, и венчаемся.

– Так нельзя, – испугалась женщина.

– Можно, – отрезал Сабанеев. – Я здесь начальство.

Он говорил правду. На сто верст вокруг главнее него не было.

Иван Васильевич пошел к дому фельдшера. Отворил дверь. Дети прятались на печке. Двое старших убежали на огород и там пересидели до рассвета. «Надо было еще вчера за ними сходить!» – укорил себя генерал. Но, с другой стороны, если бы он сделал это, вряд ли осмелился бы подступиться к их матери.

Ребята послушно пошли за ним и обосновались на его квартире. Протрезвавшему фельдшеру Сабанеев пригрозил сослать его в Сибирь за попытку убийства, и тот с перепугу канул в неизвестность. Больше генерал его не видел. Через неделю Иван Васильевич венчался с Пульхерией Яковлевной, причем священник тоже не осмелился ему перечить. Потом Сабанеев отвез семью на хутор и зажил там отменной жизнью, о которой мечтал.

Кишинев.

– Да что вы меня учите чести, Александр Сергеевич! – пылил Липранди. – Поединок поединку рознь. И здесь Киселев прав. А Мордвинов дурак! Упокой, Господи, его душу! Не понравится мне приказ командира, и я его – к барьеру?

– Вы меня не слышите или не хотите понять! – Поэт едва не хлопнул собеседника обеими руками по коленям. – Что такое Киселев? Царский любимец. Пусть он сто раз мил, образован и умен. Тем хуже! Я не выношу оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего святого! Меня восхитил Мордвинов. Слабый призывает к ответу сильного. Ценой собственной жизни. В этом истинная поэзия.

Кибитка встала. Друзья прибыли в Кишинев. Волей-неволей пришлось помириться.

Осень всегда благотворно действовала на Пушкина. Чуть только на дворе начинали кружиться желтые листья или дождь лупить по верхушкам деревьев, он запирался дома, носа не казал на улицу и погружался в себя. Но на юге осень тепла, как разогретый солнцем бок абрикоса. Вот вроде бы и пора писать, а за окном еще солнце, и люди, и соблазнительный мир без штормов. Поэт чувствовал себя кусочком железа, вокруг которого помещено несколько магнитов, тянущих его в разные стороны. Усилием воли он заставлял себя каждое утро, спозаранку, работать, лежа в постели. Потом вскакивал, одевался и возвращал занятое

у дня время веселью. Так он жил одной ногой в осени, другой в лете, отдавая Богу богово, а кесарю кесарево.

Это не только не утомляло, но и будоражило нервы. Крайности выявляют суть вещей. Неожиданно в Одессу нагрязнул Липранди, которого Воронцов взял на службу, и поэт сговорился с ним вместе съездить в Кишинев за вещами. Там они застали много перемен.

Город притих. Инзов на время отбыл в Петербург, сдав команду новому наместнику. Еще в июле граф не без содрогания наведалься в сердце молдавских степей. Дом, где он оставился на ночь, по утру штурмом взяла толпа просителей. Они кричали все разом, жаловались на беззаконие и угрожали не выпустить генерал-губернатора из города, если тот сегодня же не раскроет тюрьму и не рассудит всех, кого туда посадили.

– Да у меня и Собрания Узаконений с собой нет! – опешил Воронцов.

– А ты суди по совести! – кричали ему из толпы. – Совесть-то у тебя есть?

Пришлось судить. Неделью кряду. Наместник устал, как будто на нем пахали. Но не считал время потраченным зря. Благодаря глупейшим делам, вроде похищения цыганами овец кишиневского уроженца Раича и продаже их в таборе беженцев на шапки, он узнал о нуждах края больше, чем мог выяснить за год, сидя в Одессе. Пришлось менять полицмейстера, частных и квартальных надзирателей, за взяточничество закрывать суды.

«Инзов, может быть, старик и добрый, но совсем не попечительный, – писал Михаил жене. – Не могу рассказать тебе всех мерзостей, которые тут нашел. Разбойники запросто разъезжают окрест, обирают целые деревни и наведываются в город. Люди живут скученно, отсюда грязь и пороки всякого рода. Детьми торгуют, как при турках. Содержат гаремы. И все на глазах у властей. Ух, дурно!»

За первый приезд удалось немного. Чуть разгрузить город от беженцев, отправив их караваны к другим местам – в Аккерман и Килию. Разогнать пару притонов – турецких бань и кофеен, – где продавали краденое и предлагали услуги самого извращенного восточного вкуса. Все это рассказал приятелям полковник Алексеев, которого Пушкин и Липранди первым делом нашли в Кишиневе.

– Да что же наш Инзушка? – расстроился Пушкин. – Неужели его сняли? – Он был крайне опечален судьбой доброго генерала. – Ведь это несправедливо. Его, должно быть, Воронцов обнес перед правительством.

– Сами вы несправедливы, сударь, – возразил Липранди. – Воронцов получил приказ сменить Инзова в Петербурге, задолго до того как приехал сюда.

Но неприятный осадок остался на сердце у поэта. Человека, который дал ему защиту и кров, выгнали с места, без всякого уважения. Ему на смену пришел другой – властный и энергичный, без малейшего снисхождения к слабостям. Он уже заранее не нравился Александру Сергеевичу. Да и причесанный Кишинев тоже.

Решено было наведаться к Варфоломею. Потанцевать вечером. Обменяться парой слов с прекрасной Пульхерицей. Пестрый дом, в котором она жила под Инзовой горой, собирал все приличное общество города. Егор Варфоломей некогда стоял с булавой на запятках кареты яесского господара Мурузи, но потом разжился на хлебных поставках.

Время близилось к шести, уже съезжались гости. Огромная веранда, пристроенная к жилищу, заменяла зал. Резные деревянные столбы, поддерживавшие крышу, были увиты виноградом. Его шершавые листья жухли на ветру, но вечера все еще казались теплыми. По углам павильона стояли длинные столы, за которыми подавали угощение. Центр был освобожден для танцев.

Услышав музыку, Пушкин ускорил шаг, и приятели вскоре вышли к освещенной веранде. Поэт устремил быстрый взгляд на танцующих, заметил Пульхерицу и залился краской.

– Воистину, пожалеешь о цепях, когда сквозь них прорастают такие розы!

Оба полковника рассмеялись и подтолкнули его вперед.

– Идите, поздоровайтесь с ней.

Споткнувшись о порог, ссыльный вошел на веранду. Между тем Пульхерица кружилась в центре вместе с отцом и под дружные хлопки гостей отплясывала джок. Ее за то и звали «легконожкой», что она никогда не уставала и, как заведенный механизм, готова была пуститься вскачь в любое время дня и ночи. На вид ей можно было дать лет восемнадцать. Но таковой она была и по приезде Пушкина три года назад, и во время путешествия государя Александра Павловича по Молдавии, когда сам царь прошел с ней тур по залу офицерского собрания.

– Ах, господин Пушкин! – обрадовалась дочь хозяина, когда танец кончился. – Где же вы были? Неужто хотите нас совсем бросить?

На это шутивное приветствие поэт смутился.

– Вы, Пульхерия Егоровна, должно быть, слышали, я теперь служу в Одессе.

– Ах, как далеко! – засмеялась она. – Кадриль играют. Пойдемте танцевать.

В этой бесхитростной девушке было нечто – не сказать кокетство, скорее властная, притягательная сила молодого здорового существа, – что совершенно обезоруживало кавалеров. Высокая, полная, круглощекая, она никому не отдавала предпочтения, не отвечала на ухаживания, со всеми плясала с одинаковой охотой и всех слушала с внимательным равнодушием.

– Вам Вигель должен был сказать, что я в вас влюблен, – прошептал Пушкин, ведя партнершу в круг. – Могу ли надеяться на знак взаимности?

Пульхерица улыбнулась и, искоса глядя на него, отвечала:

– Ах, какой вы, мсье Пушкин! Все-то вы шутите!

Не добившись от «легконожки» толку, поэт надулся и после кадрили плюхнулся в углу на скамью. Пульхерица, между тем вместе с матерью пошла мимо столов потчевать гостей.

– Отчего вы не кушаете? – ласково повторяла она. – Возьмите дульец. Просим, просим.

Ее отец тем временем уселся на диван, сунул под себя ноги, как турецкий паша, взял в руки янтарный чубук и, приветливо глядя на собравшихся, шевелил усами в три дюйма, напоминая довольного жизнью таракана.

– Ах, как здесь все опротивело! – воскликнул Александр Сергеевич, разочарованный приемом красавицы. – Несносный город! Прочь отсюда!

Но его уже окружили знакомые дамы.

– Одесса! О, Одесса! – наперебой чирикали они. – Какие ленты нынче вошли в моду? Мы слышали, целая революция шейных косынок? Газовые больше не носят? Правда, что француженки надели кружевные?

Пушкин пустился во всех подробностях рассказывать о высоте талий на нынешних туалетах. О том, что принято надеть в театр, а что на прогулку, и что соломенные шляпки приличны лишь в солнечные дни, тогда как тюрбан дозволителен к вечернему платью... Его внимательно слушали. Обменивались репликами, негодовали на варваров-мужей и строили предположения, что весь слабый пол Одессы вскоре оценит Александра Сергеевича так же, как оценили кишиневские подруги.

– Я буду вам писать, – снисходительно заверял поэт.

– Вы уже видели жену наместника? – допытывались у Пушкина сестры Раич. – Говорят, у нее самые богатые туалеты в Одессе? Говорят, муж ей ни в чем не отказывает, но держит взаперти в деревне у матери, лишь бы никто на нее не покусился!

Поэт отвечал презрительным смешком светского человека.

– Видел? Только мельком. Впрочем, я скоро нарисую вам графиню в тридцати шести позах Аретино³.

Его циничная колкость вызвала притворный ужас и восторженные хлопки.

– Боюсь, что наш друг плохо поладит с новым начальником, – вздохнул Липранди, искоса глядя на Пушкина. – У него просто талант наживать врагов.

Одесса.

То ли графиню Воронцову действительно растрясло дорогой, то ли супруги на радостях побеспокоили ребенка, но роды состоялись неделей раньше срока. С первых родин Михаил не выносил, когда это событие происходит у него на глазах. Боялся. Но Лиза держалась молодцом. Малыш оказался крепкий, на удивление крупный и, по словам доктора Хатчинсона, здоровый. Странно, но именно этот мальчик, которым мать отважилась рискнуть ради мужа, вцепился в жизнь обеими ручонками.

Он появился на свет 23 октября, а через несколько дней в одесском кафедральном соборе состоялось крещение, где ребенка нарекли Семеном в честь деда. Супруги и рады были бы тихо отметить семейное торжество. Но положение генерал-губернатора этого не позволяло. Все новые и старые чиновники Воронцова присутствовали на пышной церемонии, выстроившись в церкви и с серьезными лицами слушая, как от воды верещит младенец. Пушкин был среди них и немало потешался над торжественным комизмом ситуации. Строил рожи, упирал руки в бока бубликом и прохаживался от колонны к колонне. На него никто не обращал внимания, и это было досадно.

Поскольку одесский дом наместника еще не достроили, Михаил спешно нанял для жены красивую дачу Рено в пригороде и там поселил ее с малышом. Публика передавала из уст в уста, что «маленькая графиня в добром здравии и скоро начнет принимать».

³ Пьетро Аретино (1492–1556), итальянский сатирик эпохи Возрождения, автор «Комедии о придворных нравах» и бытописатель жизни итальянского дна.

Глава 7. Медная Венера

Финляндия.

Аграфена явилась в Або прекрасная, как розан. Закревский заметно повеселел. В первый вечер, когда он встретил жену на дороге, и та попросилась переночевать, генерал думал оставить тяжелые объяснения до завтра. Но Груша пришла к нему ночью и не ушла до тех пор, пока все снова не стало хорошо. Уже после она лежала, уткнувшись лицом в его ладонь, и всхлипывала:

– Сенечка, я больше никогда не уйду от тебя.

Не сказала: не изменю. Закревский усмехнулся ее простодушию. Груша не умела и не любила лгать. Он знал, что она будет грешить. Но Арсений готов был смотреть на это сквозь пальцы, лишь бы жена осталась. В сущности, ему не так уж много надо.

– Я тебя люблю, – сказал он, поцеловав беспутную красавицу в медные кудряшки на затылке.

Груша снова заплакала, обняв его и зарывшись носом в одеяло.

– Я думала, ты меня прогонишь.

– Ты бы хоть на дочь сходила посмотреть, – укорил ее муж. – Вам ведь заново придется знакомиться.

Аграфена беспечно фыркнула.

– Меня дети любят.

Она оказалась права. Лидия так восхитилась великолепием неизвестно откуда взявшейся матери, что немедленно произвела ее в феи. Она продала свое маленькое сердечко за итальянских кукол. За тысячи поцелуев. И за рассказы о прекрасных принцах, которые будут осыпать ее цветами, как только она подрастет. Послушав, как на каждый вопрос девочки Груша отвечает: «Можно», – генерал понял, что супруга явилась из Неаполя погубить дочь. Но госпожа Закревская оставалась в Финляндии недолго. Недели через две она получила письмо от вдовствующей императрицы. Мария Федоровна звала ее к себе.

– А не пошла бы эта старая корова... – рассердился Арсений. Ему вовсе не хотелось оставаться одному.

– Нет, – покачала головой Аграфена. – Ее величество по пустякам не беспокоит.

Павловск. Окрестности Санкт-Петербурга.

Императрица Мария Федоровна рисовала в угловой комнате Павловского дворца. Из окна-эркера открывался вид на занесенную снегом реку. Тяжелый гранитный мост, перекинутый на другой берег, укрывали шапки сугробов. Зима пришла на один день, как бывает в ноябре. С моря прорвался поток сырого холодного воздуха. Вечером завьюжило, завыл ветер в трубах, на рассвете метель улеглась, и милый сердцу парк предстал во всей красе. Жаль только, что пора собираться в город. Летняя резиденция не годилась для холодов. Ее величество медлила по одной ей известной причине. Она желала встретиться с нужным человеком без лишних глаз. А в столице о приезде Закревской сразу узнают.

– Дама, за которой ваше величество посылали, здесь. – Лакей отступил, пропуская Грушу в зал.

– Девочка моя, как я рада тебя видеть!

Гостья сделала глубокий реверанс и застыла, ожидая, пока вдовствующая императрица поцелует ее в лоб.

– Вы из Або? Одобряю ваш поступок следовать за мужем в Финляндию. Наконец здравый смысл возобладал в вашей хорошенькой головке! – Мария Федоровна потрепала бывшую фрейлину по щеке.

– Мой муж скучает на севере, – намекнула Аграфена. – Это назначение не для него. Вдовствующая императрица спрятала улыбку в уголках губ. Цена названа.

– У меня к вам поручение. Весьма щекотливого свойства. Помните графа Ростопчина, друга покойного императора? При дворе, он всегда ухаживал за вами.

Закревская передернула плечами. «Старый ловелас!»

– Сейчас Федор Васильевич живет в Москве, – продолжала пожилая дама. – Но две недели назад приехал в Петербург. Мне стало известно, что при нем находится важный документ. Это эпистола моего несчастного мужа, написанная не в лучшем расположении духа. Он привез ее специально для того, чтобы передать генералу Куруте, приближенному цесаревича Константина. Если письмо попадет в Варшаву, я буду крайне огорчена.

– А что в письме? – Аграфена считала этот вопрос уместным.

Ее величество выдержала паузу.

– Упаси вас Бог даже заглядывать в конверт, дитя мое.

«Вы предлагаете мне соблазнить и обокрасть старика?» – про себя рассмеялась гостья.

«Я предлагаю вернуть твоего мужа из Финляндии», – мысленно отвечала ей собеседница.

– Я попробую.

– Вы сделаете.

Царское Село.

Надев высокие болотные сапоги и повязав шею шарфами, великие князья Николай и Михаил отправились на «свой» остров. Он больше не принадлежал им, переходя по наследству к новому поколению царской семьи. Так решил Никс, и Рыжий чуть досадовал на него, но понимал: пора. Кажется, они в последний раз собирались жечь здесь костер из сломанных веток старого шалаша. Нужно расчистить место для домика. Весной, когда земля подсохнет, начнут строить.

– Как тебе только в голову пришло? – с некоторой злостью осведомился Михаил, подняв тяжелые, крест-накрест сколоченные доски, с которых посыпалась жухлая трава.

– Не сердись, – отрывисто бросил Никс. – В конце концов твои дети тоже будут тут виться.

Рыжий задержал руку и почему-то очень странно посмотрел на брата, но ничего не сказал.

– Может, и не стоило показывать Саше остров, но я был так расстроен этой Белой башней...

Царевич почувствовал, что младший его не слушает. Вытянув шею, он смотрел куда-то вперед. Проследив за его взглядом, Никс присвистнул. Вдалеке, за кромкой парка, уголком виднелась чухонская ферма, откуда во дворец доставляли молоко. Ее деревянные баньки выходили на озеро, из их распахнутых дверей валил пар, и сейчас было видно, как по мосткам к воде бегут крошечные человеческие фигурки – пара мужских, гурьба ребятишек и две бабы. С расстояния не доносились голоса, но визг, плеск и хохот легко было представить. Никс перевел взгляд на брата и удивился выражению раздраженной зависти на его лице.

– Здоровый мужик, а на голых пейзажах палишься! – Он отвесил Рыжему шуточный подзатыльник. – Женить тебя пора!

Старший не ожидал, что Мишка отреагирует так болезненно и зло.

– Женить? – прошипел он. – И это мне говоришь *ты*?

– Я, – не понял Николай.

Младший прищурил глаза, его губы искривились от обиды, как бывало в детстве, когда брат отнимал у него ружье.

– Ты! – выдохнул Рыжий. – Ты! Дубина! Я так и знал, что ты ничего не понимаешь!

Он схватил целую охапку сучьев и торопливо зашагал с ней к костровищу. Никс застыл на месте, ожидая объяснений. Их не последовало. Брат не вернулся, а сел на берегу земляного канала, взял прут и стал взбивать темную воду.

– Константин гораздо умнее тебя! Знаешь, что он сказал в мой последний приезд в Варшаву? Что меня не женят, чтобы не создавать твоим детям у престола соперников.

Последнюю фразу Михаил выпалил одним духом. Потом сразу сник и сторбился, словно потратил на нее все силы.

Николай молчал, медленно переваривая сказанное. Хмурился, жевал желтую травинку. Встал, отправился обратно к шалашу. Рыжий поплелся за ним. Несколько минут они работали, не проронив ни слова. Расчистили площадку. Подожгли костер.

– А знаешь, что я тебе скажу? – наконец вымолвил Никс, снимая грязные перчатки. – Что твой Константин скотина, каких мало.

Санкт-Петербург.

Из дворца на Литейном Ростопчин никуда не выезжал. Не ходил на прогулки. Не посещал церковь, ложу, театр! Аграфена с ног сбилась его выкуривать. Сначала дело казалось ей простым. Чуть-чуть противным, не более. Однако старый интриган засел дома, как прыщ в заднице, и тарасил на сват божий глаз-гнойничок. Боялся.

Закревская устала проезжаться под его окнами в коляске и делать сановнику куртуазные знаки. Он пялился на нее, исходил слюной и только. К тому же погода была по-питерски промозглой, и прекрасная куртизанка раскашлялась. Груша уже решила признать поражение, как вдруг мальчишка, приставленный за целковый караулить «жертву», сообщил: закладывают карету ехать в театр. Легкий озноб пробежал по телу Закревской. Мгновенно явились горячие щипцы, румяна, опрокинутая на стол шкатулка с жемчугом. Суетившейся девке надавали пощечин, требуя миланский туалет с открытыми плечами.

Через четверть часа Аграфена Федоровна уже садилась в экипаж, оставив позади вороха раскиданных тряпок и облака пудры. У Закревской отсутствовало достойное сопровождение, а дама не появляется в свете одна. «Увижу знакомых, прибьюсь», – решила она. Ей повезло. Заплатив пять рублей за кресло, Груша вошла в вестибюль, где толпилась уйма народу, и крикнула наудачу: «Кузен!» Тут же несколько голов обернулись.

– Ты меня зовешь? – раздался сзади знакомый голос.

– Да, да, Теодор! – Дама оглянулась. За ее спиной возвышался румяный гигант с округлым полным лицом, темными кудрями и приветливо блестящими черными глазами. Его так и хотелось ущипнуть за руку, чтобы проверить, не отломится ли кусочек сдобы. Это был Федор Толстой Американец.

– Теодор, небо тебя послало! – Груша тут же взяла быка за рога. – У тебя ложа?

– Вестимо, – кивнул он. – Слушай, а что ты вообще делаешь в Петербурге? Я слышал, ты в Неаполе, потом в Або...

– Я быстро езжу, – на ходу отозвалась Аграфена. – Ты видел Ростопчина?

– Охотишься на мамонтов? – удивился граф. – Он только что прошел по лестнице.

– Идем. – Груша повлекла кузена наверх. Тот пытался рассказывать ей о злоключениях на Аляске. Уверял, что обвинения его в разврате – чистой воды вымысел...

– Так ты, правда, съел обезьяну?

– Нет! – возопил Толстой. – Что за бредни? Откуда обезьяны на Аляске?

Но Груша уже устремилась в резные позолоченные дверцы ложи.

– Что бы там ни было, Теодор, люди не понимают нас, Толстых. Надо уметь жить на широкую ногу и изведать всех ощущений, если повезет.

– Золотые слова! – восхитился кузен. – За это стоит выпить!

– Стой, стой, вот он! – Закревская вцепилась в подозрную трубу, которую Федор, по примеру многих, носил в театр на поясе. – Дай! Ага. Вижу.

Граф Ростопчин восседал ярусом ниже них и не мог заметить, что подвергся такому пристальному вниманию. Он был неопратно сед, сутулил плечи и поглядывал по сторонам с язвительной усмешкой. В его умном лице не было ничего приятного. Сразу становилось ясно, за что Павел приблизил этого человека. Чуть вздернутый нос и круглые глаза навывкате. Тот же тип, что и у покойного императора. Глядя на Ростопчина, легко угадывалось, каким бы стал убиенный монарх, доживи до преклонных лет.

– Старье берем? – Толстой был не прочь посмеяться над кузиной. – Раньше любовники воспевали тебя в стихах. Этот прославит бряцанием костей.

Аграфена его не слушала.

– Кто сейчас вошел к нему в ложу? – нервно потребовала она. – Я его не знаю.

– Генерал Курута. Дядька великого князя Константина.

– Дядька? – поразила Груша.

– Ну да, – кузен кивнул. – Был когда-то. Да так и остался. Говорят, каждое утро изучает содержимое горшка и докладывает подопечному, хорошо ли тот сходил.

Аграфена прыснула. Она вообразила благообразного пожилого военного с урильником в руках. Между тем происходившее в ложе у Ростопчина требовало ее внимания. Там старый сановник и генерал с орлиным носом уселись рядом, ведя непринужденную беседу. Они смотрели на сцену, где шла опера «Днепровская русалка», и, казалось, были увлечены светским разговором. Груша нацелила на них подозрную трубу и только благодаря ей увидела, как в руку военного скользнул небольшой сложенный листок бумаги. Передача состоялась. Больше Ростопчин ее не интересовал.

– А что ты знаешь о Куруте? – впиалась она в Федора с новой силой.

Кузен пожал круглыми плечами.

– Грек. Служит в России с детства. Горяч, как они все. Мот. Картежник. Ловелас. Вечно не при деньгах...

– Ну, сейчас-то у него приличная сумма, – перебила брата Закревская.

– С чего ты взяла?

– Он приехал из Варшавы. По важному делу. Неужели Константин не дал ему подорожных?

Толстой со свистом втянул воздух.

– Вот было бы славно усадить его сегодня за штос! Я, знаешь ли, в очень стесненных обстоятельствах...

Женщина глянула на кузена свысока. О том, что Американец нечист на руку, знали все.

– Не смотри на меня так! – вскипел тот. – Я всего лишь поправляю ошибки фортуны!

– Да на здоровье! – Груша подняла ладони, демонстрируя свою полную лояльность. – Вот, взгляни, Ростопчин уходит. Курута остается. Ему нравится, как Телешова дрыгает ногами! Слушай, Теодор, голубчик, у меня к тебе предложение. Где нынче играют без помех?

– В Красном Кабаке.

– Если я тебе его туда привезу, ты сможешь вывернуть ему карманы?

Граф несколько мгновений смотрел на сестру. Потом кивнул.

– Мне нужен только клочок бумаги, который будет с ним. Остальное твое, – оговорила условия Груша. – По рукам?

Дважды не пришлось повторять. Сосредоточив все внимание на генерале, Закревская вскоре добилась того, что он заметил ее ухищрения, был польщен и стал поглядывать на ложу Толстых. Дождавшись начала следующего акта, дама тихо выскользнула в коридор и спустилась ярусом ниже. Это была обычная уловка для тех, кто хотел без лишних вопросов очутиться в креслах рядом со своим «предметом». Курута принял игру. Он впустил краса-

вицу к себе для приятного знакомства. На вид генерал был еще хорош собой, а блеск высокого положения предавал ему шарма. Поэтому он не заподозрил коварства и вскоре был готов ехать за райской птицей на край света. Тем более к цыганам в Красный Кабак! Если дама желает плясок и шампанского, подать немедленно!

В отличие от Ростопчина Курута вовсе не осторожничал. Как человек военный, он презирал опасности. Внимание светской львицы, чьи романы обсуждали в Варшаве с таким же жаром, что и в Петербурге, льстило ему. Закревская была не из тех женщин, связь с которыми скрывают. Напротив. Таким трофеем принято хвастать!

К Красному Кабаку на Петергофской дороге подъехали уже в сумерках. Издалека его трактиры сияли огнями. Мимо катились коляски с песельниками. Голоса и бряцание струн слышалось из открытых дверей. Генерал заметно приободрился: в молодости лихой гусар, он чувствовал вкус к здешним радостям, но знал также, и куда из многочисленных заведений прилично будет отвести даму. Впрочем, и Грушина не робела. Уверенно шла по дороге, не обращая внимания ни на привалившихся к стенам пьяниц, ни на половых, бодро сновавших туда-сюда с ящиками шампанского.

— Где Таня поет? — спросила Закревская одного из них и, следуя за движением его руки, направилась к открытым дверям. У нее с Федором было условленно разыскать хор с Садовой улицы.

Маленького роста смуглая цыганка заливалась соловьем. На мотив «Пряди, моя пряха», она исполняла грустнейшую песню «Ах, зачем, поручик, сидишь под арестом?», которая тронула Аграфену до слез. Парни в красных рубашках расхаживали между столами,нося угощение. Курута потребовал отдельный кабинет. Их мигом провели. Подавали русские блюда. По просьбе дамы Таня являлась к ним дважды одна и раз вместе с хором. Груша верно угадала, что генерала будет несложно разогреть. Пока она с умилением слушала «Не одна ль в поле дороженька», спутник налегал на содержимое графина. Когда тот опустел, Закревская обняла Таню, благодаря за радость, и шепнула:

— Найди, Федора Ивановича. Скажи, кузина зовет.

Толстой явился как джинн из лампы. Если бы он промедлил минуту, то между готовым к бою генералом и его стремящейся к отступлению знакомой произошла бы заминка. Но граф поспешил. Он прикинулся, что ошибся дверью, бурно извинился и при этом так красноречиво пересыпал карты и побрякивал серебром в кармане, что Курута поневоле заинтересовался.

— Ах, господа, какой случай! — прошептала Аграфена. — Позвольте представить, генерал, мой кузен граф Федор Толстой. Теодор, это Дмитрий Дмитриевич. Извините, господа, я на минуточку...

По неловкой ужимке, которую она изобразила, оба поняли: даме надо отлучиться. Пускай ее. Долго она не задержится. А пока мужчины могут скоротать время.

— Генерал, идемте к нам. Мы буквально за стеной. Сестра не будет досадовать.

Курута поколебался. Но выпитое уже тяготило его желудок, ему приятно было бы усесться, а не стоять столбом. И он позволил увлечь себя за карточный стол, где время останавливает ход. Излишне говорить, что Груша не пришла ни через минуту, ни через две. Полчаса миновало, когда цыганка Таня заглянула к играющим и сообщила, дебарыне дурно и она прилегла в хозяйской комнате на диван.

— От шампанского бывает, — бросил Федор. — Лучше б кузина пила водку.

В это время генерал понтировал и только махнул рукой, мол, ладно, потом. Для начала Толстой позволил ему выиграть трижды кряду. Дальше проиграть по мелочи, сушие пустяки. И опять два раза повернул колесо фортуны в пользу гостя. А когда азарт захлестнул беднягу, начал его обирать. Деньги, кольца, табакерка с портретом великого князя несколько раз переходили из рук в руки. Федор давно мог забрать их себе и уйти, но помнил слово.

Никакого письма на груди ассигнаций не появилось. Он позволял Куруте время от времени возвращать себе что-нибудь из проигрыша, только для того, чтобы не отпустить его от стола.

Свечи выгорели до половины. А искомый листок отсутствовал. Американец начинал злиться. Наконец он методично выгреб у противника все подчистую. Генерал был заметно пьян: по уговору с Толстым, один из слуг постоянно подливал ему портера, что после водки не ведет к добру.

– Как же я поеду обратно в Варшаву? – проревел Курута, стараясь сосредоточить взгляд на эмалевом изображении Константина Павловича.

– Разве вам нечего больше поставить? – любезно осведомился Толстой. – Найдите хоть закладное письмо. И разом отыграетесь.

Гость хитро прищурился.

– Письмо. Да, письмо. Не закладное. Но ты не лезь, не лезь. Это, брат, такое письмо! Дороже, чем весь Санкт-Петербург! Во как!

Бумажка, по виду старая, легла на грудь ассигнаций. Федор нехотя сдал карты. Играл с лентой, нарочито затягивая развязку. Ждал, когда генерал сам отвалится от стола. Курута оказался мужик крепкий. Но в какой-то момент и он, низведенный портером до степени младенца, перестал удерживать голову. Толстой услышал, как генеральский лоб стукнулся о доски, и поздравил себя с удачно проведенным вечером.

– Аграфена, войди.

Женщина появилась на пороге бледная и усталая. Будто это она ночь напролет возилась с дядькой цесаревича.

– Я и не знал, что у меня такие полезные родственники! – рассмеялся Федор. – А что за бумажка? Вряд ли ты стала бы беспокоиться из-за любовных записок. Твой генерал не ревнив.

Лицо Груши стало отстраненным и замкнутым.

– К моему мужу это не имеет никакого отношения. – Она взяла со стола письмо и, чуть помедлив, добавила: – Ко мне тоже.

Варшава.

Осень в Варшаве гораздо теплее, чем в Петербурге. Дворец Бельведер был окутан листвою, в которой среди желтого и алого еще господствовал зеленый. Утки с пруда и не думали подаваться в чужие края, а пирамидальные тополя у берега тянули к небу по-южному поджарые тела.

– Благодарю, обед был прекрасный. – Император отложил салфетку. – Я вижу, семейная жизнь пошла вам на пользу, дорогой брат.

Константин Павлович довольно хрюкнул и сделал гостю радушный знак, приглашая его в курительную комнату. После сытной трапезы табак – лучшее лекарство от несварения желудка.

– Я сейчас присоединюсь к вам. – Александр хотел остаться наедине с молодой супругой великого князя. Ей после свадьбы был пожалован титул княгини Ловицкой. Или Лович, как говорили в Польше. Русские остряки находили тут намек на умение хитрой шляхтянки поймать в силки доверчивого царевича. Но видит Бог, сам государь ничего подобного сказать не хотел. Жаннета ему нравилась.

Мягкость, изящество, прекрасное воспитание и золотое сердце соединялись в этом небесном существе. Говорили, что, «танцуя гавот, она проскользнула в сердце великого князя». Белокурая, с бледно-голубыми глазами и светлыми ресницами, княгиня напоминала портрет, сделанный пастелью. Александр всегда предпочитал полек. В Петербурге блистало целое созвездие: сестры Потоцкие, Собаньская, Стройновская, Влодек... Но и в их кругу Жаннета не потерялась бы.

– Вас что-то огорчает, дорогая сестра? – спросил император, доверительно беря молодую женщину за руку. – Сегодня вы весь день печальны.

Лович отвела глаза.

– И вчера, я заметил, у вас веки припухли, – настаивал Александр. – Уж не обижает ли вас Константин?

– Нет, что вы! – всполошилась она. – Его высочество ангел.

Августейший гость усмехнулся. Константина называли по-разному... Видно, она и вправду любит мужа.

– У моего супруга доброе сердце, – в запальчивости произнесла Жансю. – И... быть может, это ему вредит.

– Вы имеете в виду что-то конкретное?

– Видите ли, государь, – княгиня замялась, – прошлое не всегда легко выпускает нас из своих тисков. У вашего брата до меня была другая жизнь, и я не вправе требовать от него... В то же время я и не могу не огорчаться, видя, как мой дом...

– Ну же, – подтолкнул ее государь.

– Как мой дом, – набралась храбрости Жаннета, – посещает его бывшая люб... та женщина. И ведет себя запросто. Здесь ее сын, я понимаю. Нельзя отнять у матери дитя. Но уже вся Варшава говорит, будто великий князь... живет с нами обеими.

Так!

– Довольно, дорогая, – самым ласковым тоном произнес император. – Я поговорю с ним, а госпожа Фридрихс сегодня же получит повеление покинуть Польшу. Больше вас никто не побеспокоит.

Санкт-Петербург.

Итак, вот эта гадость! Мария Федоровна несколько раз согнула и разогнула листок. Не решилась прочесть сразу. Встала и, не выпуская письма, прошла от стола к окну. Глянула на семейные портреты на стене. «Ах, мой милый Паульхен, все прошло, все...»

Кто бы мог подумать, что через четверть века раздраженная писулька ее мужа поставит на кон царский венец. «Александр, Константин и Александра – мои кровные дети. Прочие же? Бог весть! Мудрено, покончив с женщиной все счеты, иметь от нее младенцев». Вдовствующая императрица еще несколько мгновений смотрела на строчки. Потом горячая пленка задрожала у нее перед глазами и она опустила руку. Сколько боли принес ей этот человек!

Элен, Като, Мари, Аннет... Михаила он тоже отрицает? Даже если в 90-х годах не все было ладно, между ними случалась супружеская близость. Да, она пережила двухлетний роман с гоф-фурьером Данилой Бабкиным, редким красавцем. Злые языки намекали, что Никс и Аннет похожи на него. Языки? Разве у самой императрицы нет глаз? Она глубоко вздохнула, открыла кочергой чугунную дверцу на печке и положила листок в огонь. Прости, Паульхен. «Все прошло, все...»

Царицу не беспокоил вопрос, сунула ли любопытная Аграфена нос в добытый документ. Подобные тайны сами по себе налагают на уста печать. А вот если государя познакомиться с откровениями отца, он может переменить текст запечатанных пакетов в Успенском соборе. Чего Мария Федоровна совсем не хотела. Недаром Константин написал: «прошу передать мое право тому, кому оно следует после меня». А не указал прямо: «Николаю». Догадывается? Или просто не любит младшего? Теперь все равно.

Важно, что *она* любит Никса.

Было время, когда Мария Федоровна жаждала трона для себя. Что греха таить? Вкушая отравленные яблоки, мудрено сохранить здоровый желудок. Ее, венчанную императрицу, в ночь убийства Павла тоже отстранили от власти. И сделал это старший сын. Да, она кричала

охране, не пускавшей ее к телу мужа: «Я хочу царствовать!» Александр никогда не простил этого матери. Мать – Александру.

Теперь она стара и играет на стороне третьего сына. Почему? То ли он и правда похож на Данилу. Славный малый! То ли вместе с женой сделал для татап чего не смогли другие дети. Дал ощущение дома. В старости начинаешь это ценить.

В дверь постучали. Государыня резко дернула головой. Неужели нельзя оставить ее в покое? На пороге возник Никс. «Помяни черта к ночи!» Мать рассмеялась.

– Ваше высочество, как всегда, вовремя.

Царевич не смутился.

– Мне нужно поговорить. – У него был мрачный вид, он крутил в руках табакерку – плохой признак. Сам Николай не курил и не нюхал табаку. Стало быть, нервничает и нуждается в какой-нибудь рогулке, чтобы занять пальцы.

– Я уже заметила, что когда у вас все хорошо, вы не идете ко мне, – съязвила вдовствующая императрица.

– Напротив, мадам. Напротив. – Он без разрешения сел на диван. В своем амплуа, очень любезен! – У меня-то как раз все в порядке. Я хотел поговорить о Михаиле.

Мария Федоровна подняла выцветшие брови.

– Что случилось?

– Почему ему нельзя жениться?

Кратчайший путь к цели – прямая. Мать прищурилась и молча смотрела на сына. Если бы можно было соединить двух братьев – Александра и Николая – вышел бы отличный монарх. Умный и честный, любезный и искренний, проникательный и твердый. Но всех совершенств природа не дает никому.

– А ты сам как думаешь? – почти насмешливо спросила она. – Это ведь не латинские корни. Ясно, как вода в стакане.

Николай потер лоб.

– Мне так не нравится. Да и какими соперниками моим детям могут быть дети Михаила?

Мария Федоровна пожевала губами. Несколько минут назад она сожгла документ, на основании которого следовало бы объяснить Николю суть вещей. Впрочем, к счастью. Не приведи бог, он из благородных чувств начал бы артачиться и, подобно старшим братьям, играть в отречения. Его правда, младшего пора женить. Теперь уже это безопасно. Двое старших внуков. Александра носит третьего.

– Хорошо.

На взгляд Никса, мать согласилась неожиданно легко, и он с подозрением уставился на нее.

– Как ты думаешь, Мишель имеет что-нибудь против моей племянницы? – Поскольку у императрицы был выводок племянниц, сын впал в раздумья. – Фредерика-Шарлотта, дочь принца Пауля-Карла. Я видела ее в прошлом году в Штутгарте. Очень умненькая девочка. – Мария Федоровна порылась в столе и извлекла на свет божий миниатюру на слоновой кости. – Отдайте вашему брату. Пусть подумает.

Никс удовлетворенно кивнул и спрятал портретик в карман. Когда он вышел из нагретых апартаментов, Михаил немедленно отлепился от стены. Как в детстве, младший всегда знал, когда брат пойдет к матери заступаться за него. На сквозной, пронизываемой холодом лестнице они ушли в глубокую нишу окна и спрятались от случайных глаз.

– Можешь считать меня серым волком. Я добыл тебе принцессу.

Миниатюра перекочевала из ладони в ладонь.

Финляндия.

Явление госпожи Закревской в Або было омрачено непредвиденным происшествием. Аграфена на всех парусах неслась к дому. Ее переполняла гордость от удачной миссии, она хвалилась своей ловкостью и тем, что сумела обставить все, не уронив достоинства. Это делало радость скорой встречи с Арсением совсем чистой, лишенной стыда и угрызений совести. Не тут-то было.

Подъехав к даче, Груша увидела свет на веранде и сквозь цветные стекла рассмотрела за столом двоих. Один, без сомнения, был ее мужем. Другой... О, этого никак не могло произойти! Что она за несчастная дура! Вместе с генералом за чаем сидел Константин Батюшков, ее неаполитанский поклонник. Ее тень. Ее раб. Ее мука. Он писал красавице стихи. Волочился по всем гостиным. Смешно умолял не покидать его. Грозил. Настаивал. Гнался вслед. Но Аграфена никому и ничем не считала себя обязанной. Она бы дорого дала, если бы сейчас за ней притащился, кусая локти, Леопольд Кобургский, бросив свою английскую выдру. И то только для того, чтобы картинно выставить его на глазах у Арсения. Груша обожала эффектные сцены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.